

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Фиктивный брак
ПО-КАВКАЗСКИ

ИРА ДАЛИНСКИ

18+

Ира Далински

Фиктивный брак по-кавказски

«Автор»

2026

Далински И.

Фиктивный брак по-кавказски / И. Далински — «Автор», 2026

– Целый год я смотрел на тебя через экран телефона. Мечтал. А теперь ты здесь в моём доме. И называешься моей женой. Я устал от этой игры.– Это не игра! Это контракт! – я попыталась вырваться, но он легко прижал меня к стене всем телом, обездвижив.– Контракт, – с презрением повторяет мой фиктивный муж. – Всего лишь бумажка. А я живой. Я хочу чувствовать, что ты моя. Не на бумаге. По-настоящему. Он – кавказский бизнесмен из влиятельной семьи. Обещал помочь с моими проблемами, если я соглашусь стать его фиктивной женой на год, но что-то пошло не так– Нет! Алихан, прошу тебя, одумайся! Ты разрушаешь всё!– Я ничего не разрушаю, – его руки обхватили мои бёдра, пытаюсь приподнять. – Я наконец-то начинаю строить. Настоящее. История Анзора "Строптивая любимая для горца" История Тамира "Непокорная для горца. Сломаю твои крылышки"

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ира Далински

Фиктивный брак по-кавказски

Глава

Пролог

Зал бизнес-форума гудит, как гигантский улей. Сотни молодых, амбициозных лиц, шепот голосов, вспышки фотокамер. И я, Датуева Амаль, в своём новом костюме цвета пудры, чувствую себя здесь своей. Это моя стихия – свет софитов, вес микрофона в руке, острые вопросы и искренние ответы.

Мой блог «Формула Амаль» о современном Кавказе, давно перестал быть просто личным дневником. Он вышел на новый уровень.

Сегодня я не просто блогер с телефоном на селфи-палке. Сегодня я – лицо молодёжной программы на местном телевидении, и этот форум моя первая серьёзная работа в новом статусе.

Со мной оператор, а в ухе миниатюрный микрофон.

Я поправляю лацкан безупречного пиджака: строгий, но женственный. Мой классический брючный костюм говорит: «Я серьёзный профессионал». Волосы хотела убрать в низкий пучок, чтобы не отвлекать, но оператор утвердил, что в кадре распущенные смотрятся лучше. Единственное украшение – серьги-гвоздики из матового жемчуга.

Я двигаюсь по залу, как шахматист, просчитывая ходы. Вот стенд с дорогим кофе – беру интервью у бариста, который открыл сеть, начав с фургончика. Вот IT-гений, который говорит на языке Python лучше, чем на русском.

– Отлично, спасибо вам за искренность! Удачи в реализации проекта! – улыбаюсь я очередному собеседнику, ловя кивок оператора Самира.

Он дает знак – переход к следующему гостю, ключевому.

– А теперь на нашей сцене человек, чьё имя уже стало синонимом успеха в сфере горного туризма. Основатель сети эко-отелей «Кавказ-Эко». Приветствуем Алихана Сайдулаева!

Зал взрывается, сдержанными, деловыми аплодисментами. Гость поднимается на сцену. И всё вокруг замирает.

Звук рукоплесканий стихает в ушах, превращаясь в далёкий прибой. Я забываю про Самира с камерой, про ведущего форума, смотрящего сбоку, про весь этот полный зал. Весь мой мир сужается до одной точки. До *него*.

Делаю глубокий вдох и ловлю себя на мысли, что нервничаю. Не из-за камеры. Из-за него. Алихан Сайдулаев.

Кавказский предприниматель, дело которого я прочитала всего пару дней назад.

Я листала сайты, дотошно выискивая любую строчку о его личности. Получилось найти лишь крохи, но фотографий было много: на стройках отелей, с рабочим персоналом, с открытиями и других мероприятий.

Успешный, молодой, вернувшийся в горы после московского образования. Символ нового Кавказа. И... невероятно красивый мужчина в самом соку... Э-э, то есть в расцвете сил, я хотела сказать. Но одно дело видеть такого человека через экран и другое в реальности...

Ему чуть больше тридцати, по моим сводкам. Высокий, с той спортивной, мощной статью, которая говорит не о часах в качалке, а о настоящей, мужской работе, возможно, в тех самых горах, где строятся его отели.

Широкие плечи отлично сидят в тёмно-сером костюме-тройке. Обычный деловой костюм, но на нём он выглядит как доспехи. Лицо... Лицо, словно высеченное из камня, резкие черты, скулы и твёрдый подбородок. Тёмные, почти чёрные волосы, коротко стриженные.

Но главное все же глаза цвета тёмного мёда.

Тёплые, умные, пронизательные. Они смотрят не на камеру, а на меня. И в этой тишине, длившейся всего миг, я забываю про текст, про оператора, про всё. В них нет деловой суеты сегодняшнего форума. В них спокойная, абсолютная уверенность. И когда его взгляд скользит по мне, я чувствую, как по спине пробегает холодок, смешанный с жаром.

Он подходит. Каждый шаг неспешный, уверенный, весомый. И вот он уже рядом, на расстоянии вытянутой руки. И я невольно вдыхаю его запах.

Это не парфюм. Это... шлейф. Холодный, чистый запах снега с высокогорных вершин, и под этим едва уловимая, тёплая нота кожи, хорошего мыла, мужской силы. Этот запах бьёт в голову сильнее лучшего грузинского вина.

Я замираю. Микрофон в моей руке вдруг кажется неподъёмным. Я должна задать вопрос. Первый, умный, деловой вопрос. Я открываю рот, а из него вырывается что-то совершенно идиотское, на высокой, нервной ноте:

– Здравствуйте, Алихан! Я... Мне... Мне кажется, нужен стул повыше.

Я произношу это с той самой дурацкой, залихватской улыбкой, которую используют, когда хотят скрыть панику. Сердце колотится где-то в горле.

Что ты несешь, Амаль? Ты же профессионал! Ты блогер с большой кавказской аудиторией! Соберись!

Алихан Сайдулаев смотрит на меня. Молчит секунду. И в уголках его строгих губ появляется едва заметная, тёплая искорка. Не улыбка. Так, намёк на неё.

Я чувствую, как по щекам разливается жар и вижу недоумённое лицо Самира за камерой.

Внутри всё кружится. От его взгляда. От его запаха, который теперь будет преследовать меня. И от одной, чёткой, нелепой мысли: всё только начинается. И это интервью может стать для меня самым сложным в жизни. И не из-за вопросов.

Оператор обращается ко мне одними губами, намекая, чтобы начинала.

Да! Конечно! Вопрос!

Выдыхаю медленно, отчаянно пытаюсь вспомнить первую строчку из заготовленного блокнота. Но не успеваю ничего произнести, как Алихан подходит ко мне вплотную, наклоняется слишком близко... просто неправильно близко и...

Глава 2

Сайдулаев не улыбнулся. Он уверенно, не сводя с меня своих медовых глаз, подошёл ко мне. Наклонился, обхватил меня за талию большими теплыми руками и без единого усилия приподнял, поставив на небольшую платформу для выступающих.

Теперь наши глаза на одном уровне, но в зале на секунду воцарилась тишина.

– Теперь удобно? – спросил он тихим, низким голосом, который не уловил микрофон. Только мне его слышно.

Я еще киваю, глупая, пораженно заглядывая в мужские глаза!

Голос у него бархатный, с лёгким, едва уловимым акцентом, который делает его речь ещё более гипнотической.

Его слова, сказанные спокойно и чуть снисходительно, как взрослый ребёнку, возвращают меня в реальность. Я прихожу в себя, чувствуя, как по щекам разливается лёгкий румянец. Беру себя в руки. Профессионализм – моя броня.

– Спасибо... Ну что ж, Алихан, начнём наше интервью...

Самир даёт знак. Я задаю первый вопрос о бизнесе, о планах на будущее. Алихан отвечает уверенно, с достоинством, его слова наполнены любовью к делу. Но я ловлю себя на том, что

слушаю не только смысл, а тембр его голоса. Смотрю не только в объектив, а краем глаза на его сильные, спокойные руки.

Когда я спросила о рисках в бизнесе, он, глядя прямо на меня, сказал:

– Главный риск – получить вожделенный актив в руки, но не суметь его... удержать. Нужен абсолютный контроль. Ты же согласна, Амаль?

Я поперхнулась, не ожидав такого поворота и фамильярного «ты». Мой уклончивый ответ и последующий вопрос:

– Меня мотивирует красота. Но не та, что на поверхности, – отвечает Сайдулаев. – А та, что прячется. Которая боится, что её разоблачат. Которая нуждается в том, чтобы её нашли... и взяли под защиту. От всего мира.

К концу короткого интервью я была не в себе. Его взгляд, его слова – они будто снимали с меня слой за слоем. Никогда не встречала человека с такой подавляющей сложной аурой. Я и так маленькая рядом с ним, но хотелось стать еще меньше, сжаться до невидимых размеров. И я даже не представляю почему у меня такая реакция на мужчину, которого я первый раз вижу.

– Скажите, а кем для вас является Анзор Сайдулаев? Это родственник?

Улыбаюсь, но выходит очень нервно.

Я просто вспомнила, почему фамилия мужчины показалась мне знакомой. Месяц назад в сети шумела сплетня об одном полковнике с соседнего региона.

– Мой брат, – коротко ответил Алихан и у меня внутри всё похолодело.

Я наклонилась чуть ближе, будто делиась секретом, и прошептала в микрофон так, что, кажется, услышал весь зал:

– Тогда с вами, наверное, лучше не шутить. Раз уж брат – полковник МВД.

Форум закончился, но призрачное присутствие Сайдулаева витает в окружающем меня воздухе.

На телефон приходит уведомление, напоминая о встрече с крупным человеком в шоу-бизнесе. Взволнованная, я закинула в блог кадр с панорамой роскошного отеля:

«Ждите большого интервью! Войду в зал – поделюсь с вами всем!».

Я ждала звезду шоу-бизнеса. Ждала прорыва. Но, когда я вошла в конференц-зал...

Глава 3

Алихан

Бизнес-форумы необходимы для поддержания имиджа, показать, что успешные проекты рождаются и здесь, в горах, а не только в столичных стеклянных башнях.

Кивки, визитки, пустые разговоры о синергии и трендах. Я приехал по настоятельной просьбе организаторов, которым нужен шум для привлечения людей. Несмотря на то, что я приехал с опозданием, мысленно я уже составлял список дел на вечер, как вдруг услышал женский голос.

Он прозвучал так звонко и свежо для каменного зала, не вписываясь в общий гул, что я невольно поднял голову от телефона и мой привычный мир перевернулся.

Это же она...

Амаль.

Та самая, чья страница в соцсети закрепленаверху моего браузера. Чьи утренние публикации с чашкой кофе я смотрю первым делом, едва открыв глаза. Чей смех, записанный в каком-то ресторане, я слушал раз за разом.

Девушка, которая целый год была призраком в моём телефоне и навязчивой гостьей в моих снах.

И вот она – здесь. Плотью и кровью, стоит на сцене, освещённая софитами, держится непринуждённо, которая даёт только тем, кто рождён быть на виду.

Она всегда казалось мне... нездешней. Как будто сошла со страниц другой, более светлой сказки. Я не ожидал её здесь увидеть, не смотря на её известность в наших краях.

Эта девушка правда из другого мира. Другой республики, другого народа, другой жизни. Её внешность кажется здесь инородным телом, драгоценностью, на которую тут же начали охоту.

Моя интернет-мечта, на которую вот уже год я пускаю слюни... Но останавливаю себя лишь подпиской на блог, потому что... Амаль *не моя*. Она чужая. Проще уничтожить корень, чем бороться со стеблями.

Разглядываю её хрупкие, но упрямые плечи и линию талии, которую мне вдруг дико захотелось обхватить ладонью, чтобы проверить, реальна ли она.

Светлая девочка, которая покорила сердца многих. И моё.

Амаль на сцене мило улыбается, еще не понимая, как ее внешность действует на окружающих её темпераментных мужчин. Я ведь не один сюда приехал, здесь собрались все альфа-самцы Кавказа и каждый распушился перед девушкой как павлин, выискивающий внимания.

Что в ней необычного? У Амаль светлые волосы. Не крашенные (она как-то проводила эксперимент, доказывая), а свои, натуральные, цвета спелой пшеницы. На Кавказе такая внешность – редкость. Мужчины часто комментируют под её фотографиями, что конкретно выводит меня из себя и я зарекался больше не заходить в ту секцию, больше не читать. Потому что возникает острое желание найти комментатора и переломать ему пальцы один за другим.

А глаза... Боже, её балдежные глаза. Голубые! Не бледные, а яркие, как небо в ясный день над горами. Прямо сейчас они блестят от азарта, сканируя зал. Пока не останавливаются на мне.

Чёрт, меня вызвали на сцену. Сердце, привыкшее к ледяному спокойствию в самых жёстких переговорах, ударило с такой силой, что я почувствовал его в висках. Я поднялся, чувствуя на себе её взгляд, как физическое прикосновение.

Я уже почти подошёл, когда услышал её смущённую, нервную шутку:

– Здравствуйте, Алихан! Я... Мне... Мне, кажется, нужен стул повыше.

Это было так неожиданно, так мило и глупо, что во мне что-то дрогнуло. Вся моя годами выстроенная броня контроля дала трещину. Я не думал. Я действовал на инстинкте.

Два шага и я оказался настолько близко к ней, что учуял лёгкий, цветочный аромат её духов. Увидел, как её глаза расширились в непонятной мне реакции.

Руки сами нашли её талию – такую тонкую, почти невесомую под слоем ткани – и легко, но твёрдо подняли девушку и поставили на верхнюю ступеньку подиума, сам оставаясь внизу. Теперь Амаль смотрит на меня сверху вниз, изумленно моргая своими длинными красивыми ресницами.

Да. Я дотронулся до неё.

Не просто дотронулся, а позволил себе слабинку. Эта девушка была запретна для меня, но только что я стёр все границы.

Опять-таки, Амаль совершенно чужая. Даже если люди её нации живут по-светски, на моей Родине есть правила приличия, запрещающие телесный контакт.

У меня зудят руки от соприкосновения с её телом, пусть и поверх плотного пиджака. Я так долго следил за ней, даже мечтал о глупостях всяких... и сегодня я вижу её настоящую и чувствую как, то тёмное зарытое глубоко внутри, шевелится, напоминая о себе.

Она покраснела. Прямо вся! От открытого ворота блузки до корней этих светлых волос. Это было очаровательно.

Амаль засыпала меня вопросами о горном туризме. И что удивительно, девушка говорила умно, вникала, словно специально готовилась. Кое-что осталось замеченным мной: то, как её пальцы теребят пуговицы на пиджаке, как её взгляд задерживается в моих глазах, чтобы потом смущенно сместиться на что-то другое.

Нервничает? А на экране кажется такой уверенной. Какая же ты на самом деле? Чей-то успешный проект или просто маленькая Амаль с большими амбициями?

И снова эта её нервная, смущённая улыбка, от которой адреналин бьёт в голову.

Я смотрел ей прямо в глаза, в эти бездонные голубые озёра, позволив себе запечатлеть ангельский образ. Ведь завтра она исчезнет из моей жизни как призрак, словно никогда и не было нашей встречи.

– Спасибо за беседу. Было очень... познавательно.

Я кивнул, попрощался коротко и сошёл со сцены, оставив её стоять на ступеньке под прицелом чужих камер и взглядов. Каждый шаг отдавался в висках ровным, грозным стуком. Восторг от встречи сменился жгучей, холодной настороженностью.

Форум закончился. Шум сменился гулким эхом в опустевшем зале, но в моих ушах всё ещё звенит её смех. Тот самый, который я знал только в записи. Теперь он был живым, реальным в трехмерном пространстве, и он не был обращён ко мне.

Я стою в стороне, наблюдая, как она, *не моя Амаль*, окружена плотным кольцом мужчин в безупречных костюмах и самомнением, которое сочится из них, словно дорогой парфюм. Она же держится с непринужденной грацией, мне нравятся её острые и точные ответы, но они...

Они говорят громко, жестикулируют, предлагают «обсудить сотрудничество за ужином», «показать лучший вид на город», «познакомить с нужными людьми». Их взгляды то и дело скользят по её маленькой, но стройной фигуре.

Пользуются. Пользуются её красотой, её обаянием, её положением. Видят не мозги и дерзкий ум, а трофей. И гложущая, тёмная ревность разливается у меня под рёбрами горячей смолой.

Она поймала мой взгляд один раз через плечо какого-то сидящего мажора, сквозь этот круг акул, пахнущих деньгами и пошлым интересом. В её голубых глазах мелькнуло что-то... усталость?

Я уеду вечером в свой город, к своей жизни, где она будет снова лишь призраком в телефоне, а эти ухмыляющиеся идиоты здесь будут лишь дурным воспоминанием.

Моя челюсть свелась так, что заболели мышцы. Какой-то древний и дикий инстинкт, требует отшвырнуть всех, заслонить её собой, увести. Но я в гостях. На чужой земле. Связан условностями этого дурацкого «цивилизованного» мира.

Последний взгляд в её небесно-голубые глаза, которые уже смотрят на того, другого и я разворачиваюсь к выходу. Каждый шаг отдается в груди горячей, бесполезной, ядовитой ревностью, которая не имеет права на существование. Но она есть. Живая, как сама Амаль. И такая же недостижимая.

Глава 4

Амаль

В этом году всё должно наладиться. Я твёрдо верю в это, пока иду по зеркальным коридорам пятизвёздочного отеля. Под каблуками мягко поскрипывает дорогой ковёр, в сумке лежит диктофон и список вопросов к Мадину Ахмадову – кавказскому бойцу, чьё имя гремит на всех спортивных аренах.

Конференц-зал в отеле вместо студии? Ну и что. Главное снять контент. Главное про-смотреть. Главное деньги, которые, наконец, перестанут утекать сквозь пальцы, как песок.

Деньги на лечение мамы. На адвоката для брата. На надежду.

Я поправила прядь волос, сделала глубокий вдох и открыла тяжёлую дверь.

В зале оказалось пусто. Только длинный полированный стол и мужчина в идеально сидящем костюме, а не сам боец. Менеджер. Артур. С гладкой, но пугающе холодной улыбкой.

– Амаль, рад вас видеть. Мадин задерживается. Присаживайтесь, обсудим детали.

Я села, чувствуя лёгкий укол разочарования. Но работа есть работа. Достāju блокнот и цепляюсь за его слова.

– Детали? Мы вроде всё согласовали по почте. Интервью на двадцать минут, вопросы о подготовке к чемпионату...

– Да, да, об этом, – он махнул рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи. – Но появилась идея получше. Гениальная, я бы сказал. Она касается лично вас.

Мужчина откинулся на спинку кресла, оценивающе оглядев меня с головы до ног. Только взгляд был отнюдь не мужской, а скорее... товароведческий.

– Вы красивая, Амаль. Очень. Не типичная для наших мест, что только плюс. Аудитория у вас лояльная, женственная. А Мадин... Мадин нуждается в правильном имидже. Семейный мужчина, кормилец. Это резко поднимет его рейтинги и, что важнее, ценник на рекламу.

Ползучая ледяная мурашка пробежала по спине.

– Я не совсем понимаю, – сказала я, но сердце уже забилося тревожно.

– Всё просто, милая. Мы предлагаем вам контракт не на интервью, а на брак. Фиктивный, разумеется, – он произнёс это так буднично, будто предлагает чай.

Что это еще за бред такой?

– Вы будете появляться с ним на светских раутах, пресс-конференциях, в соцсетях. Идеальная пара. Год, максимум два. Сумма... ну, вы даже представить не можете такую сумму.

В ушах зазвенела тишина. Я смотрю на его сытое, довольное лицо и не могу вымолвить ни слова. Брак. Фиктивный брак. Меня, живого человека, с моей болью, моими мечтами, моей жизнью хотят превратить в картинку, в аксессуар для поднятия рейтингов какого-то громила.

– Вы... вы с ума сошли? – вырвалось у меня наконец. Голос дрожит. – Я журналистка. Я пришла взять интервью, а не продавать себя!

Его улыбка не дрогнула, лишь потухла в глазах, сменившись холодной сталью.

– Амаль, давайте не будем кричать и делать трагедию. Мы всё о вас знаем. Всё.

Он медленно, будто наслаждаясь моментом, достает планшет, проводит пальцем по экрану.

– Мать. Хроническая почечная недостаточность. Ожидание донорской почки, что обычно занимает от года до трёх лет очереди. Если повезёт. Платные процедуры, лекарства – это кругленькая сумма в месяц. Брат..., – менеджер цокает языком с фальшивым сожалением. – Статья тяжёлая. Срок немалый. Хороший адвокат мог бы переквалифицировать дело, скажем, на превышение самообороны... но хорошие адвокаты, как и хорошие врачи, не любят работать за спасибо.

Мир рухнул под ногами. Пол, стены, этот чёртов полированный стол, всё поплыло перед глазами. Они копались в моей жизни. Вытащили на свет самое больное, самое незащищённое и теперь тыкают в это пальцами, как в открытые раны.

– Молчите? Понимаю, шок, – голос мужчины стал сладким, ядовитым. – Но подумайте. Подпишите контракт и у вашей матери будет лучшая клиника и частный поиск донора. У вашего брата – лучший адвокат. А у вас... у вас будет покой. И деньги. Вам ведь нужны деньги, Амаль? Вы так старательно их зарабатываете в этом году.

Угрозы, не оставляющие сомнений в серьёзности. Каждое его слово было ударом хуже хлыста. Унизительным, сдирающим кожу. Я вскочила, и стул с грохотом упал на пол.

– Никогда! – крикнула я, но звук больше похож на хриплый вопль загнанного зверя. Горячие и горькие слёзы, хлынули из глаз, стирая всё достоинство. – Вы мерзавец! Вы не имеете права так со мной говорить!

Я не помню, как выбежала из-за стола. Как толкнула эту тяжёлую дверь. В глазах стоит пелена из слёз и ярости. Коридор вдруг показался бессмысленным лабиринтом, и я по нелепости, в своей беспомощной слепоте, врезалась во что-то твёрдое, сильное. В мужскую грудь в дорогой шерстяной ткани.

Я отшатнулась, но крепкие руки обхватили меня за плечи, не давая упасть. Поднимаю заплаканное, искажённое отвращением и болью лицо.

Передо мной стоит...

Глава 5

Он. Гость с бизнес-форума.

Алихан.

Высокий, в идеально сидящем тёмном пальто. Его лицо кажется жёстким, а взгляд, в котором я читала холодный расчёт и скрытую силу, пронизывающим. Час назад я брала у него интервью, улыбалась, а теперь он видит всю эту бурю унижения и отчаяния, что вырвалась вместе со мной из той проклятой комнаты.

Я просто стою, безмолвно рыдая, глядя на него. На своего невольного спасителя и свидетеля полного крушения.

– Амаль, – произносит он.

Тихо, но с такой силой, что мои рыдания на секунду затихли.

Бизнесмен, с которым я вела деловой разговор. Чьё прикосновение было твёрдым и кратким. А теперь он видит меня разбитой, униженной, с размазанными слезами и трясущимися губами.

Стыд накрыл с новой, удушающей волной. Я хотела отпрянуть, вырваться, прошептать извинение и убежать. Но слабые ноги не слушаются. Всё тело дрожит мелкой, неконтролируемой дрожью, как в лихорадке.

И тогда его руки, эти сильные, уверенные руки, осторожно легли мне на спину. Не хватка, не посягательство. Просто как укрытие.

Он мягко, но неотвратимо притянул меня к себе, к своей широкой, твёрдой груди. Там пахнет дорогим парфюмом, холодным воздухом и чем-то неуловимо нужным. Безопасностью.

Я замерла, затаив дыхание. Голова закружилась от противоречий.

Неправильно. Это неправильно. Ты же кавказская девушка, Амаль, ты не позволяешь чужим мужчинам прикасаться к себе...

Но мысль обрывается, разбиваясь о простую, животную правду.

Мне очень больно. И я жутко одинока в своей боли.

А в его объятиях эта боль хоть на секунду отступает, превращаясь в тихий, сбивчивый шёпот. Я утыкаюсь лицом в ткань его пальто, позволив себе эту слабость, этот короткий миг краденого утешения.

И тут за моей спиной с резким скрипом распахнулась дверь конференц-зала.

– Амаль! Куда вы... – голос менеджера, Артура, обрывается на полуслове.

Я почувствовала, как Алихан напрягся, но не отпустил меня. Его руки стали чуть тверже, защитнее.

– Вы кто? – прозвучало уже нервно, обращённое к моему спасителю.

Я застыла, превратившись в ледяную статую внутри тёплого убежища. Сейчас начнётся. Сейчас он увидит мой позор, мои слёзы, и этот мерзавец будет торжествовать.

Но голос, который раздался у меня над головой, был не тем, что час назад, который говорил о логистике и инвестициях. Он стал низким, тихим, но таким металлическим и непререкаемым, что по коже пробежали мурашки.

– Её муж.

Два слова. Простые. Абсолютные. От которых в моей голове воцарилась оглушительная, белая тишина. Я даже перестала дышать.

Что он только что сказал?

Тишина длилась, наверное, всего секунду, потом я услышала, как Артур резко, с присвистом втянул воздух.

– Да вы что?! – в голосе менеджера смешались шок, неверие и стремительно нарастающая паника. – Это... почему она не сказала?!

Я почувствовала, как Алихан слегка поворачивает голову в его сторону, не выпуская меня из объятий. Я не вижу его лица, но прекрасно представляю себе каким может быть взгляд. Ледяным, уничтожающим, судя по голосу мужчины.

– Моя жена, – произносит он тем же ровным, смертоносным тоном, а у меня мурашки от этого «жена». – не обязана отчитываться перед вами о своём семейном положении. Особенно перед теми, кто предлагает ей грязные сделки.

Он сделал едва уловимую паузу, давая каждому слову вонзиться, как нож.

– А теперь у вас есть ровно минута, чтобы исчезнуть с моего горизонта. Пока я не передумал решать этот вопрос иначе.

В голосе Сайдулаева нет даже повышенных тонов, но в нём звучит такая неоспоримая, первобытная власть, такая готовность к расправе, что по спине Артура, я это буквально почувствовала, пробежала дрожь.

Послышались торопливые, запинаящиеся шаги, затем щелчок захлопнувшейся двери.

Он ушёл. Сбежал.

И снова наступила тишина. Но теперь она другая – более гуще, звеняще, наполнена бием двух сердец: моего, бешено колотящегося где-то в горле, и его – ровного, мощного, под моей щекой.

Он спас меня. Он солгал. Он назвал меня своей женой.

И я, нарушив все правила, всё ещё стою в его объятиях, не в силах пошевелиться, не зная, что сказать, и боясь до смерти того, что будет дальше.

Глава 6

Алихан

Я не должен был этого делать. Это было ниже моего достоинства, бессмысленно и глупо. Но я не смог заставить себя уехать с форума, не увидев, куда она пойдёт.

Амаль. Девушка-призрак из моего телефона, которая час назад оказалась плотью и кровью на сцене, а потом холодной и вежливой в окружении стаи голодных взглядов.

Я сидел в машине, наблюдая, как она выходит из здания и ловит такси. Инстинкт приказал следовать за ней. Просто убедиться, что она благополучно добралась.

Но да, я лгал сам себе, глядя, как её светлые волосы мелькают за тонированным стеклом чужой машины. С того момента, как Амаль выложила публикацию с геолокацией, мой внутренний радар, отточенный месяцами одержимого наблюдения, забил тревогу.

Она приехала в фешенебельный отель, безликое здание из стекла и стали. Моё сердце, почему-то, упало. Что она делает здесь одна?

«Важное интервью» в конференц-зале отеля, а не в телецентре? Слишком смутно. Слишком неправильно.

Я вошёл в холл, чувствуя себя идиотом. Что я скажу, если мы столкнёмся? Здравствуйте, я ваш тайный поклонник, решил проверить, с кем у вас свидание?

Достаю телефон и захожу на её блог. Её улыбка, её смех, её жизнь, в которой мне нет места. Мы из разных миров. Она – светлая, публичная. Я – из мира жёстких правил, тёмных сделок и каменных гор, которые не прощают слабости. Приблизиться к ней – всё равно что пытаться удержать в руках солнечный зайчик. Бесполезно и смешно.

Но отпустить... Отпустить сейчас, когда она так близко, когда я наконец услышал звук её голоса не через динамик... Я не мог.

Я не знал номера зала. Просто бродил по коридорам на одном из верхних этажей, где обычно проводятся деловые встречи. Глупо. Отчаянно. Но тогда я и услышал приглушённый, но отчётливый женский крик.

Её голос, который я знаю лучше любого звука.

Кровь ударила в виски. Я почти бежал, когда она, бледная как полотно, вырвалась из зала, спотыкаясь о собственные каблуки, по зеркальному полу.

Видел, как её плечи тряслись от беззвучных рыданий, которые она пыталась загнать внутрь. И моя кровь, всегда вроде такая холодная, закипела тихим, смертоносным гневом. Кто посмел её обидеть?

Я подставил себя ей под ноги ровно в тот момент, когда Амаль потеряла последние силы. Она врезалась в меня, и я обхватил её, чтобы не упала. Она была легкой, хрупкой, разбитой. *И не моей.*

В её голубых глазах, обычно таких ясных, бушевала буря унижения. Заплаканное, искажённое страданием лицо, прекрасное и абсолютно разбитое.

Всё во мне сжалось в тугую, холодный узел ярости. Я не думал. Руки сами нашли её спину, она замерла, потом её тело обмякло, и она просто заплакала, тихо, безнадежно, уткнувшись лицом мне в грудь.

И в этот миг все мои сомнения, все разговоры о «разных мирах» испарились. Остался только один, первобытный импульс. Защитить. Спрятать. Уничтожить того, кто сделал ей больно.

Дверь за её спиной снова открылась. Вышел мужчина в дорогом костюме, менеджер того самого известного во всей стране бойца. Всё встало на свои места. Грязные догадки молнией пронзили сознание.

Я чувствовал, как Амаль замирает в моих руках, как её дыхание перехватывает. Стыд, страх, беспомощность – всё это вибрировало в её маленьком, прижатом ко мне теле.

Я посмотрел на этого человека поверх её головы взглядом, который заставил не одного оппонента на переговорах похолодеть. И сказал то, что сказал бы любой мужчина моей крови, найдя свою женщину в таком состоянии. Просто, без колебаний, вкладывая в слова всю тяжесть своей воли и обещание расплаты:

– Её муж.

Амаль резко вдохнула с судорожным всхлипом, будто её ударили под дых. Это была ложь. Безумная, наглая, сокрушительная ложь. Но прозвучала она как единственная, неоспоримая правда вселенной.

Менеджер отшатнулся, будто получил пощёчину. Его уверенность дала трещину. Он прошелся по мне взглядом, вычисляя кто стоит перед ним и насколько далеко ему можно пойти.

– Да вы что?! ... почему она не сказала?!

– Моя жена не обязана..., – парировал я, чуть сильнее сжимая Амаль в своих руках.

Демонстрировал, что она моя.

Мой взгляд, думаю, сказал ему всё остальное. Он сглотнул, отступил на шаг и, бормоча что-то невнятное, исчез за дверью, щёлкнув замком.

В роскошном, бездушном коридоре пахло чистотой и страхом. А у меня на груди, вся в слезах, дрожала девушка, которая целый год была лишь мечтой. И которую я только что, одним словом, сделал центральной фигурой своей реальной, нелегкой жизни.

Я не знал, что будет дальше. Но знал одно: я уже не отпущу.

Глава 7

Амаль

Мужские объятия понемногу ослабли, стали осторожными, будто этот незнакомец боится сломать хрупкую вещь. Алихан медленно отстранился, и я наконец смогла увидеть его лицо, не смотря на своё стыдливое положение.

И я вижу. Но не маску бизнесмена с форума, а другое, напряжённое лицо, с тенью непрочитанной мысли в тёмных глазах. Он смотрит на меня так пристально, словно проверяя на целостность.

– Ты в порядке?

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Горло сжато. Я вытерла ладонью щёки, понимая, какое жалкое зрелище представляю.

– Присядем где-нибудь, – мягко предложил он. – Я принесу воды.

Этот простой жест заботы, такой нормальный в этом ненормальном кошмаре, чуть не заставил слёзы хлынуть снова. Но я взяла себя в руки. Спасибо и извинения. Это всё, что я должна сказать. И уйти. Быстро уйти.

– Нет, – выдохнула я, заставляя голос звучать твёрже. – Спасибо вам. Правда, большое спасибо. И... простите. Вам пришлось лгать из-за меня. Из-за моих проблем.

Я делаю шаг назад, отдаляясь от его тепла, которое так опасно манит остаться.

– Мне уже пора. У меня... много работы вечером. Нужно готовить материалы.

Я замечаю, как что-то меняется в мужском лице. Не резко, а как будто тень набежала. Его взгляд, только что такой внимательный, становится острее, тяжелее. В уголке глаза дрогнула едва заметная мышца. Алихан молчит, но в тишине, что повисла между нами, я вдруг почувствовала холодок. Будто я невольно наступила на какую-то невидимую грань.

– Работа, – повторил он это слово без интонации, и оно прозвучало странно. – Амаль. То, что случилось там, – он кивнул в сторону проклятого зала, – это не просто «твои проблемы». Это предложение, граничащее с угрозой. Такие люди, как Артур будут искать твои слабые места.

Его слова заставили меня похолодеть. Он всё слышал. О, боже... какой позор! Но Сайдулаев прав. Артур отступил, испугавшись его, Алихана. Но он не отступит от идеи, а просто будет ждать. Искать другой подход.

– Нам нужно поговорить. Серьёзно, – сказал он, и в его тоне, очевидно, нет места для возражений.

И как я могла отказать? Он только что спас меня от чего-то ужасного, взяв на себя ответственность и риск. Я слабо кивнула, почти неосознанно.

Он повёл меня не к лифту, а к служебному выходу и я иду, почти не чувствуя ног, ослеплённая шоком и странным, всепоглощающим облегчением.

Он назвал меня своей женой. И в этот момент, для всего враждебного мира, это стало правдой только вот... что будет дальше?

Мы выходим на тихую, заасфальтированную площадку у заднего фасада отеля, где стоят несколько машин. И Алихан подходит к чёрному легковому «мерседесу» бизнес-класса, беззвучно открывает пассажирскую дверь.

Меня охватил чистый, животный ужас.

– Что вы делаете? – вырвалось у меня шёпотом.

Я отпрянула, обхватив себя руками. Сесть в машину к незнакомому мужчине? После всего, что только что произошло? Это безумие.

Алихан обернулся. Его лицо серьёзно, но в глазах нет угрозы. Только усталая, железная решимость

– Амаль, – произносит он тихо. Я ловлю себя на мысли, что этот незнакомец слишком часто его называет. – Дай мне понять. Что может быть хуже того, что уже случилось в том зале? Хуже того, что ты сейчас одна, дрожишь и пытаешься убежать от проблемы, которая никуда не денется?

Он делает паузу, давая словам впитаться.

– Я не причиню тебе вреда. Ты в безопасности рядом со мной. Но нам нужно поговорить там, где нас никто не увидит и не услышит. Где можно говорить откровенно. *Пожалуйста.*

Его «пожалуйста» прозвучало как последний аргумент разума. Он прав. Снова прав. Я стою на холодном ветру, разрываясь между инстинктом самосохранения и пониманием, что он – моя единственная соломинка в этом водовороте. Единственный, кто увидел правду и вступился.

Я смотрю на его открытую ладонь, жестом приглашающую в салон, потом на его лицо. На эти тёмные глаза, в которых сейчас читается не привычная мне похоть, а какая-то сложная, тяжёлая задача.

Задыхаясь от страха и странного, щемящего доверия, я сделала шаг вперёд и села в его машину. Дверь закрылась с глухим, окончательным щелчком, отрезав меня от привычного мира.

Глава 8

Пространство в машине наполнилось его запахом: дорогой парфюм, холодный металл и нечто неумовимо опасное.

Алихан не сводит с меня глаз. Этот пристальный, изучающий взгляд ощущается как физическое прикосновение. Он словно впитывает каждую деталь на моем лице и мне приходится невольно прижаться к дверце, пытаясь стать как можно меньше.

– Расскажи, что произошло наверху.

Я сижу, вжавшись в кресло, пальцами вцепившись в сумку, ощущая как острый и тошнотворный страх скручивает желудок. Теперь двое знают мою боль. Артур – тот мерзавец, который использовал её как рычаг. И он... Алихан. Свидетель моего полного краха.

Как он вообще оказался в том же отеле? Логика, пытаясь успокоить панику, шепчет, что он приехал из другого региона, что он здесь ради форума. Естественно, остановился в лучшем отеле. Совпадение. Просто совпадение.

Но что-то внутри не верит в случайности. Его появление в тот самый миг... его реакция на мою боль...

Он сидит за рулём, но не заводит мотор. Просто повернулся ко мне. В замкнутом пространстве его присутствие ощущается в десять раз сильнее. Я н шутила, когда ляпнула на счет стула.

Он слишком большой, слишком реальный, слишком... внимательный. Его тёмный, изучающий взгляд скользнул по моему лицу, будто считывая каждую трещинку. От этого взгляда по коже бегут мурашки отнюдь не от страха теперь, а от чего-то смутного, тревожного.

Почему он смотрит так, будто знает меня сто лет? Будто собирает воедино картинку из своих воспоминаний?

Я потупила взгляд, не в силах выдержать эту пытку молчанием. Просто равнодушный мужчина, который решил помочь бедной девушке. Всё. И нечего тут выдумывать, Амаль.

– Зачем вы это сделали? – прошептала я, не глядя на него. – Зачем сказали... это?

– Потому что это сработало, – ответил он просто.

– Спасибо, что... подвезёте, – пробормотала я, чтобы разрядить напряжение. – До метро, пожалуйста.

Он и с места не тронулся.

– Амаль... То, что предложил тот человек... Это не просто аморально. Это опасно. Они нашли твоё слабое место и будут давить. Снова и снова. Пока не сломают или не получат своё.

Я сжалась. Он говорит вслух мои самые страшные мысли.

– Я справлюсь, – выдыхаю, сама не веря своим словам. – Я найду способ. Больше работы, другой контракт...

– Какой контракт? – перебивает он мягко. – Который снова может закончиться в подобном зале? С другим «менеджером»? Ты красива, у тебя есть аудитория. Для таких, как он, ты – не человек, а актив. И актив будут пытаться приобрести.

От его слов становится холодно. Алихан рисует мир, в котором я уже не личность, а товар на полке.

– Что вы предлагаете? – повышаю голос, обращаясь к нему корпусом. – Нанять телохранителя?

Он медленно качает головой. Его взгляд становится ещё интенсивнее, почти невыносимым.

– Я предлагаю решение. Радикальное. То, что разом отрежет все их попытки и даст тебе... передышку. Ресурсы. Защиту.

Его ложь, сказанная во благо, потом аукнется мне. Артур наверняка уже наводит справки, и, если узнает, что нет никакого брака, он бросит мою репутацию в грязь. Тогда не будет больше «Формулы Амаль», не будет контрактов, не будет денег. Вырастут долги в клинике, брат выйдет на свободу через двадцать лет со сломанной жизнью, а я... Что же мне делать?

Я едва свожу концы с концами, пашу как проклятая и все равно денег не хватает. Плачу за аренду убитой квартиры в спальном районе, покупаю реквизиты для блога, потому что люди хотят видеть красивую картинку, а у самой дырка в кармане.

Я всхлипываю и вдруг тёплый, большой палец медленно, почти что с нежностью, стирает слезу с моей щеки, непонятно, когда скатившуюся. Я замираю в шоке, переосмысливая, что только что произошло.

Алихан прикоснулся к моему лицу. Стёр слезу.

Я, не веря своим глазам, поворачиваюсь к нему, а он уже наклонился ко мне всем телом, почти дотянувшись до моего кресла.

– Всё, что пугает тебя, перестанет существовать, – говорит он твёрдо. – Но с этого момента ты принадлежишь мне. Не телеканалу, не своим подписчикам, не этим жалким проходимцам. МНЕ.

Он наклоняется ещё ближе, и мои глаза расширяются в такт. Я панически хватаюсь за дверную ручку, но машина заблокирована. Если бы не сложившаяся ситуация... начитавшись своих розовых романов, я бы подумала, что он... что Сайдулаев хочет поцеловать меня, иначе зачем так смотреть на мои губы?

Но это же бред, верно? Где я – простушка, за душой которой ничего нет и Алихан знает об этом. И где он – мужчина, чьё слово имеет куда больший вес.

– Что вы делаете?

Мой подбородок дрожит от нервного волнения. Я смотрю то в его уверенные глаза, то на мужские аккуратные губы, которые с каждой секундой становятся все ближе к моим.

А потом, когда, приняв, что выхода нет и что-то ужасное точно произойдет, когда я зажмурилась от страха, Сайдулаев произносит, четко выговаривая условия сделки:

– Заключи со мной фиктивный брак.

Глава 9

Воздух вырвался из моих лёгких со рваным свистом. Мир поплыл, затем резко вернулся в искажённый и страшный фокус.

Нет. Нет, нет, нет.

Не может быть. Это какой-то кошмар наяву. Один только что предлагал это из корысти, а теперь... второй? Из... из чего? Из жалости?

– Вы... вы с ума сошли? – прошептала я, отодвигаясь к двери, натываясь на неподвижную ручку.

Мужчина напротив меня даже бровью не повёл. Его совершенно ничего не смутило. Свежий и липкий ужас накатил новой волной.

– Вы же только что видели, во что это вылилось! Вы же... помогли! А теперь предлагаете то же самое?!

– Не то же самое, – его голос остаётся спокойным, но в нём зазвучала непоколебимая уверенность. – Я не буду использовать тебя для пиара. Не буду требовать появляться на публике, если ты не захочешь. Это будет... частное соглашение. На бумаге. Ты получишь мой статус, мою фамилию как щит. Никто не посмеет тронуть невестку Сайдулаевых. Ни один менеджер, ни один «бизнесмен» больше не посмотрит в твою сторону с подобными идеями. Твоя мать получит лучших врачей и операцию. За братом присмотрят, чтобы с ним ничего не случилось, и начнём работать над его досрочным. А ты... ты сможешь просто жить. Заниматься своей работой, не оглядываясь на хищников.

Мне хочется снова зануть. Он говорит так убедительно. Так логично. Обещает именно то, о чём я молюсь все эти месяцы: безопасность, ресурсы, покой. Но цена...

– Почему? – подозрительно вырвалось у меня со слезами. – Почему вы это предлагаете? Что вам с этого? Вы меня не знаете! Мы виделись два раза в жизни!

Мужчина на секунду отводит взгляд, впервые за весь разговор. Его пальцы сжались на руле, выглядев немного... неловко?

– Ты права, – тихо говорит он. – Мы не знаем друг друга. Но я знаю достаточно. Знаю, что ты не заслуживаешь того, через что тебя пытаются провести. И иногда... – он держит паузу, – чтобы остановить один кошмар, нужно согласиться на другой. Более контролируемый. Где условия диктую я. И где тебе не придётся бояться.

Я смотрю на него, на этого могущественного, незнакомого мужчину и понимаю, что из горящего здания меня только что вынесли прямо в пасть льва. И теперь нужно решить, что страшнее: огонь снаружи или неведомая тьма в его глазах.

Фиктивный брак. Щит. Ресурсы. Каждое обещание бьет в самое больное, в самое нужное. Но разум кричит от ужаса.

– Зачем? – я впиалась в него взглядом, пытаюсь разгадать эту загадку. – Зачем вам это? Что вы получаете? Вы – успешный мужчина. У вас всё есть. Зачем вам брать на себя такую... обузу? Меня? Что вы с этого получите?

Алихан слегка сжимает губы, будто подбирая слова. Он повернулся ко мне, и его лицо осветилось слабым светом от приборной панели.

– У меня... есть потребность. Семейная. Моя мать давно и бескомпромиссно хочет, чтобы я женился. У меня три брата, старший уже с семьёй. Мне тридцать два. В наших краях это... поздно для первого брака. Теперь всё внимание – на меня. Каждый звонок домой, каждый приезд – один вопрос. Понимаешь?

Я кивнула. Тридцать два. Мне только двадцать четыре. Пропать между нами состоит не только в годах, но и в целых мирах опыта, власти, жизненных обстоятельств.

– На мне давление, а ты – идеальное решение. Красивая, известная, с хорошей репутацией. Ты закроешь этот вопрос.

– Но почему... – я сглотнула, чувствуя, как вопрос жжёт губы, – почему бы вам не жениться по-настоящему? На девушке своей нации, из своего круга. Красивой, достойной. Это же было бы... логично.

Вопрос, казалось, задел его за живое. Его тёмные глаза снова приковались к моему лицу с такой интенсивностью, что по коже побежали мурашки. В его взгляде ощущается что-то... невысказанное. Глубокое, тёплое и одновременно мучительное.

Он смотрит так, будто видит не просто испуганную девушку и от этого взгляда внутри всё переворачивается.

Но его ответ, когда он заговорил, лишён всякой романтики, которой я подсыпаю свою тревогу. Сухой ответ, как деловой отчёт.

– Никто не согласится на фиктивный брак, Амаль. Ни одна уважающая девушка моего круга. Для них брак – это навсегда. Это дети, семья, общий быт. Я не могу предложить им это. Не хочу. Моя жизнь, мои интересы... они не оставляют места для настоящей семьи. Но

формальность – да. Формальность, которая успокоит мать, снимет социальное давление и... – он сделал едва заметную паузу, – решит другие вопросы.

Алихан говорит убедительно, выстраивая железную логику: он получает формальную жену для отчета перед семьей и обществом. Я получаю защиту и ресурсы для спасения своих родных. Чистая сделка. Без чувств. Без обязательств, кроме тех, что на бумаге.

Его слова звучат правдоподобно. Патриархальные кавказские семьи, давление на неженатых сыновей... Но всё слишком гладко. Слишком просто для человека, который только что одним взглядом обратил в бегство угрозу.

И отчего-то его предыдущий взгляд, тот, полный невысказанной глубины, не даёт мне поверить в эту простоту до конца. Что-то здесь не так. Что-то скрывается за этой маской прагматика.

– А я... соглашусь? – прошептала я больше для себя, ошеломлённая. – На фиктивный брак с незнакомым мужчиной...

– Ты в отчаянном положении, – сказал мужчина тихо, но вышло безжалостно. – У тебя нет выбора, Амаль. Вернее, он есть. Между перспективой быть раздавленной такими, как тот менеджер, и... моим предложением. Где ты, по крайней мере, будешь под защитой. Где условия будешь знать заранее. И где тебе не придётся продавать себя по-настоящему.

Я сижу в его машине, в ловушке, которую сама себе выбрала, сев сюда. И теперь мне предлагают выйти из одной клетки, заплатив за это свободой другого рода.

Закрываю на миг глаза, чувствуя, как слёзы снова подступают. От бессилия. От страха. От понимания, что Алихан Сайдулаев, возможно, мое единственное спасение.

– И всё? – в моем голосе всё ещё сквозит недоверие. – Вы просто... хотите использовать меня как красивую картинку для семьи?

– Пока что, да. Ты будешь жить в моём доме. Сохранишь работу, если захочешь. Но в публичном поле – мы идеальная пара. А в частном... ты выполняешь несколько простых правил. И мы их обсудим.

Он снова чуть наклонился в мою сторону, а я не могла отодвинуться дальше.

– Это не рабство, Амаль. Это сделка. Ты получаешь безопасность и ресурсы. Я получаю... статус женатого и спокойствие для своей семьи. Каков твой ответ?

– Мне нужно подумать, – выдохнула я, открывая глаза. – Я не могу... решить это сейчас. Алихан медленно кивнул, как будто ожидал этого.

– Хорошо. Думай, – он, наконец, заводит двигатель.

Машина плавно тронулась с места, но внутренне я понимаю, что от самой страшной развилки мне уже не уехать. Возможно, стоило посоветоваться с кем-то, но с кем? С больной матерью, которую может хватить удар, узнав о проблемах единственной дочери? Или с братом, который в тюрьме и никак не сможет меня спасти?

Решение нужно принять мне одной.

Глава 10

Алихан

Она сидит, прижавшись к двери, маленькая и разбитая, и я чувствую каждый её вздох, каждое движение. Я только что бросил в неё бомбу. Предложил то, от чего сам содрогнулся бы ещё вчера. Но иного выхода не вижу. Не могу просто отпустить её в эту ночь одну, зная, что за ней охотятся.

Желудок предательски заурчал, напоминая, что я не ел с утра. Форум, нервы, эта встреча... Да и ей, наверное, нужно прийти в себя. Не на пустой желудок.

– Я ужасно проголодался после всего этого, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал обыденно. – Не против, если мы поедем вместе? Тебе тоже стоит подкрепиться. Заодно отвечу на все твои вопросы.

Она медленно повернула ко мне свое красивое лицо. Глаза, ещё влажные, смотрят растерянно. Потом кивает, почти незаметно.

– Я... да, я тоже голодна.

Простая фраза. Согласие на обед. Но от неё что-то ёкнуло внутри. Эта бытовая, почти детская милота – «я тоже голодна». Уголки моих губ дрогнули против воли. Я улыбнулся. Искренне, пусть и горько.

Я повёз Амаль в место, где нас не узнают и не беспокоят. Пока мы ехали, внутри меня бушевал пожар.

Она здесь. В моей машине. Та самая девушка, чьи посты я пересматривал десятки раз. Чей смех заставлял глупо улыбаться в пустой комнате. К кому я ревновал без всякого права: к подписчикам, оставляющим сердца, к незнакомым мужчинам под её фотографиями.

Эта недоступная, сияющая мечта сейчас сидит рядом, пахнущая слезами и горем. И я только что предложил ей сделку. Грязную, прагматичную, но единственную, что могло её спасти. (И дать мне шанс быть рядом.)

В ресторане мы сели в уединённый угол. Она взяла меню, но глаза её растерянно скользят по строчкам, будто не видя смысла. Я заказал за нас обоих, что-то тёплое и сытное. Пока ждём, Амаль уткнулась в телефон, пальцы профессионально летят по экрану. Кому она пишет? Матери? Подруге? Может, тому самому менеджеру? Ревнивая червоточина кольнула под рёбра, но я подавил её. Не сейчас, Алихан.

Я украдкой разглядываю её и не могу насмотреться. Светлые волосы, выбившиеся из фирменной укладки, кажутся ещё шелковистее при мягком свете ламп. Мне так хочется дотронуться до них... Вдохнуть её запах. Посмотреть прямо в голубые глаза, омытые слезами, но, которые сияют с почти неестественной, хрустальной яркостью. Поцеловать покрасневший кончик носа, что делает её невероятно уязвимой и... живой. Настоящей. Не картинкой на экране.

Внезапно её телефон завибрировал звонком. Амаль вздрогнула, посмотрела на экран, и её лицо сильно побелело. Извинившись шёпотом, она вышла на улицу, на холод.

Острое и цепкое беспокойство сжало мне горло. Кто ей звонит? Не Артур ли? Я встал, чтобы было видно в окно: Амаль стоит, прижав телефон к уху, говорит эмоционально, жестикулирует. Потом опускает руку с телефоном, долго смотрит в темноту. Я уже был готов выскочить за ней, хотя бы предложить свой пиджак, ведь на улице холодная осень.

Когда Амаль вернулась, в ней что-то изменилось. Исчезла часть той панической дрожи, а во взгляде появилась решимость. Какая-то тяжёлая, выстраданная, но всё же появилась. Она села, отпила воды и посмотрела на меня прямо.

– Каковы условия вашей... сделки?

Внутри меня что-то ликующе взметнулось. Она согласна.

Разум кричит, что это аморально, что я пользуюсь её бедой. Но сердце, это предательское сердце, бьётся в бешеном ритме: она будет рядом. Хотя бы на бумаге. Хотя бы так.

Я позволил себе небольшую, внутреннюю улыбку победы, но внешне сохранил полную серьёзность.

– Всё просто. Подготовим брачный контракт. Чистая формальность. На год, с возможностью продления, если потребуется, – я сделал паузу, наблюдая, как она участливо ловит каждое слово. – Твоя мать будет немедленно переведена в лучшую клинику. Я возьму на себя все расходы по поиску донора и операции. За твоим братом возьмётся моя юридическая команда. Мы пересмотрим дело.

Я заметил, как в её глазах вспыхивает надежда, тут же приглушённая страхом.

– От тебя я буду ждать только одного: играть роль жены перед моей семьёй. Изредка – приезды домой, праздники. Никаких публичных выходов, если не захочешь. Твоя личная жизнь, твоя работа – это твоё. Я не буду вмешиваться.

Она слушает, затаив дыхание. Потом смотрит куда-то в бок, думает о своём и отчего-то краснеет. Забавно, как её щеки реагируют на любую внутреннюю реакцию и готовы сдать свою хозяйку с потрохами.

– А... а что насчёт... нас? В смысле... мы должны будем...?

Она не договорила, бросила на меня смущенный быстрый взгляд, но я понял. Вот откуда стыдливый, густой румянец. Это выглядит так невинно и так обжигающе откровенно, что у меня у самого перехватило дыхание.

– Я не буду тебя трогать, Амаль, – обещаю я твёрдо, глядя ей прямо в глаза, чтобы она поверила. – Ты не будешь моей женой в том смысле. Это чисто деловое соглашение. У тебя будет своя комната в моём доме. Твоя неприкосновенность – главное условие.

Она опускает взгляд, кивая, но румянец не спадает. Стыд и облегчение отчётливо борются на её лице. В этот момент она кажется такой юной, такой хрупкой по сравнению с моими тридцатью двумя годами и грузом принятых решений.

Амаль... Амаль...

Кто бы мог подумать, что за экраном сладкой картинки скрывается столько проблем? И хоть бы раз намекнула, что ей нужна помощь, что ей трудно. Я так злюсь на себя за то, что столько следил за её блогем и считал Амаль самой счастливой и прекрасной девушкой на свете.

С красотой спору нет. А вот счастьем в жизни девушки и не пахнет.

Я бы мог помочь ей. Если бы только знал... я бы всё отдал лишь бы избавить это невинное создание от неподъемного груза. Столько навалилось на эти хрупкие женственные плечи. Понимаю, мать, брат... но она не должна столько взваливать на себя. Это физически невозможно, если рядом нет никакой поддержки.

Но я всё изменю. Амаль поймет, что в жизни есть человек, готовый на всё ради одной её счастливой, настоящей улыбки.

Официант принёс еду.

– Ешь, – мягко сказал я, наблюдая за её скованностью. – Обсудим детали завтра с юристами. А сегодня... просто пообедай. Ты в безопасности.

Она взяла вилку, её пальцы всё ещё дрожат, но Амаль начала есть. А я смотрю на неё, на свою недоступную мечту, ставшую частью опасной сделки, и чувствую, как границы между вымыслом и реальностью, между желанием и долгом, начинают необратимо стираться.

Глава 11

Она ест маленькими, аккуратными кусочками, изредка поднимая на меня взгляд и тут же отводя его. В свете ресторанной люстры её светлые волосы отливают золотом, а ресницы, всё ещё влажные, кажутся невесомыми. Я наблюдаю за ней и не могу отделаться от одной мысли.

У такой сильной на вид девушки, такие проблемы.

Всё, что я знал о ней до сегодняшнего дня, было тщательно отфильтровано экраном. Её блог – это кадры идеальной жизни: утренний кофе с видом на город, интервью с интересными людьми, яркие платья на светских мероприятиях, смех в камеру.

Она была воплощением успеха и лёгкости. Амаль окончила журналистику, работает на телевидении, а её личный блог стал настолько популярным, что девушку постоянно куда-то зовут. Я видел эти приглашения в её публикациях – премьеры, открытия, брендовые мероприятия. Она востребована, сияет, как драгоценный камень на бархате общественного внимания.

И ни разу, ни единого раза, она не показала свою семью. Не было снимков с матерью, не было упоминаний о брате. Только она. Соло на арене жизни. Я думал, это осознанный выбор – сохранить приватность. Или, может, признак холодности в семейных отношениях.

Теперь я понимаю: это крепость. Высокие стены, которые она выстроила, чтобы спрятать за ними свою боль, свою уязвимость. Чтобы никто не увидел трещин. Чтобы хищники не учу-

яли слабинку. А они учуяли. Не через блог. Через какие-то свои, грязные каналы. И использовали это, как мерзкое оружие.

Меня поражает её сила. Не та, что на камеру, улыбающаяся и неуязвимая, а другая. Та, что позволила ей, с разбитым сердцем и опустошённой душой, сесть за этот стол, выслушать моё дикое предложение и теперь есть, чтобы просто выжить. Чтобы хватило сил на завтра.

– Ты никогда не говорила о семье в блоге, – сказал я просто, между словом.

Однако Амаль вздрогнула, словно я дотронулся до открытой раны

– Это... не для публики, – прошептала она, ковыряя вилкой в салате. – Блог – это про работу. Про красоту вокруг. Про то, что вдохновляет. А это... – она махнула рукой, словно отмахиваясь от всего груза, – это моё. Тяжёлое. Не хочу, чтобы жалели. Или, что хуже, спекулировали.

«Как тот менеджер», – досказал я про себя. Она права. В её мире, где каждый лайк и просчёт, откровенность о больной матери могла стать как трогательной историей, так и козырем в чужих руках. Она выбрала молчание, но это молчание её не спасло.

– Ты правильно сделала, – ловлю её удивленный взгляд и поясняю. – Что не выносила это на публику. Мир, который восхищается твоей улыбкой, первый же воспользуется твоими слезами.

В её голубых глазах мелькнуло удивление, будто она не ожидала такого понимания от меня, от постороннего человека. Потом кивнула, снова опустив взгляд.

Я отпил воды, давая в себе вспышку гнева. Гнева на тех, кто довёл её до такого состояния. На себя за то, что пользуюсь этим. Но больше всего – на холодную, безжалостную логику ситуации. Мой план просто чудовищен. Но он работает. Он даст ей шанс.

– Завтра в десять утра мои юристы будут готовы, – сказал я деловым тоном, возвращая нас в русло сделки. – Они подготовят контракт. Всё, что мы обсудили, будет прописано. Включая пункт о неприкосновенности твоего личного пространства. Ты сможешь сама его прочитать, внести правки.

– Хорошо, – тихо ответила она.

В её голосе нет никакого энтузиазма. Есть усталая покорность солдата, соглашающегося на опасную миссию, потому что отступать некуда.

Мы доели почти в молчании. Когда счёт был оплачен, и мы вышли к машине, вечером стало ещё холоднее. Амаль молча села на пассажирское сиденье, пристегнулась.

– Куда тебя отвезти? – завожу мотор.

Она называет адрес, и я забиваю его в навигатор: небольшой, скромный, спальный район. Не студия в новостройке. Это многое говорит о её реальном финансовом положении, скрытом за глянцевым фасадом блога.

Всю дорогу она молчит, глядя в окно. Я чувствую, как дистанция между нами, сократившаяся за обедом, снова натянулась, стала непроницаемой. Она снова спряталась в своей крепости. И моя сделка, возможно, лишь укрепила эти стены, сделав меня частью внешнего, опасного мира, с которым нужно договариваться.

Когда я остановился у её подъезда, она повернулась ко мне с лёгкой, усталой улыбкой.

– Спасибо за обед, Алихан. И... за всё, – сказала она, уже отводя свои красивые глазки.

– До завтра, Амаль. Только у меня есть одна маленькая просьба, – она уже тянется к двери, как бросает на меня взволнованный взгляд. – Зови меня просто по имени, не нужно этого «выканья». И не открывай дверь незнакомцам.

Она удивлённо поднимает светлые брови, словно ждала чего-то серьёзного и кивнув, выходит из машины. Я смотрю, как её маленькая фигура скрывается за подъездной дверью, и ощущаю странную смесь триумфа и опустошения. Она согласилась. Она будет моей женой. *Моей.* На бумаге.

Но глядя на ту дверь, за которой она исчезла, я понимаю, что заполучить её подпись на контракте будет в тысячу раз проще, чем когда-нибудь дотронуться до того света, что был в её глазах на сцене сегодня днём.

До той Амаль, которая смеялась, не зная, что за ней наблюдаю я.

Глава 12

Амаль

Дверь захлопнулась за мной с глухим, одиноким щелчком. Знакомая тишина. Не та, богатая и давящая, как в его машине, а своя – бедная, пронизанная запахом старого линолеума и одиночества. Я прислонилась спиной к двери, прикрыла глаза.

Квартира в панельной пятиэтажке на окраине города. Не модная студия в центре, которую я периодически снимала для блога, а съёмная однушка, которую я еле-еле тяну одна. Мы всё продали, чтобы спасти семью.

Каждая копейка расписана: вот это – на адвоката для брата, вот это – на очередной курс лекарств для мамы, вот этот кусочек – на ту самую блузку цвета молока, что надета на мне сегодня. Потому что аудитория ждёт красивой картинке, а красивая картинка – это просмотры, а просмотры – это хоть какие-то деньги.

Я скинула каблуки, прошла босиком по холодному полу на кухню. Вспомнила, как месяц назад, окрылённая очередным контрактом, зашла в банк узнать про ипотеку. Хотя бы на самую маленькую студию. Какая-никакая своя крыша над головой. Свой угол, который не отнимут, если что.

Мне вежливо улыбнулись, взяли документы и... всё. Зарплата журналиста и доходы блогера, непостоянные как ветер, не впечатлили никого. Мечта о своих четырёх стенах снова уплыла, как мираж.

А теперь... теперь мне предлагают не просто крышу, а целый небоскрёб. Из стали, стекла и абсолютной, ледяной безопасности. Ценой себя.

Я умылась, смывая остатки туши и позор. Натянула старую, мягкую футболку и упала на кровать. Тело ноет от усталости и нервного перенапряжения, мысли путаются, пульсируя обрывками фраз:

«Её муж»... «Фиктивный брак»... «Лучшие врачи»... «Никто не посмеет»...

И его лицо. Суровое. Решительное. С тем странным, невысказанным светом в глубине тёмно-медовых глаз.

Все слёзы я уже выплакала и теперь осталось только тяжёлая, свинцовая усталость.

...

Утром меня разбудила вибрация телефона. Я едва разлепила глаза, глядя на сообщение с незнакомого номера.

«Я внизу. Поешь и спускайся»

Сердце ёкнуло.

Алихан. Он уже здесь? В семь утра?

Я вскочила, подбежала к окну, отдернула занавеску, которую вот уже полгода обещаю себе сменить. Во дворе, на том же самом месте, где он высадил меня вчера, стоит тот самый чёрный «мерседес». Зачем он приехал в такую рань?

Или он что... не уезжал вовсе? Да не может быть! У него же должен быть номер в том самом шикарном отеле, где мы столкнулись. А он... Он спал в машине? Под моими окнами?

Беспорядочная смесь шока, неловкости и какого-то щемящего тепла подкатила к горлу. Зачем? Чтобы убедиться, что со мной всё в порядке? Чтобы те самые «хищники» не пришли сюда? Или... потому что не мог просто уехать?

Я вообще не понимаю этого человека.

Завтракаю наспех, надеваю похожий брючной костюм только уже серого цвета. У меня всё-таки сделка состоится, нужно презентабельно выглядеть. Решила вызвать такси, чтобы не тратить время на метро, но... зачем такси, если он *уже* здесь?

Ничего ведь не случится, если мы вместе поедem до юриста?

Спускаюсь по лестнице, чувствуя, как нарастает нервное напряжение. Утро выдалось ветреным, колючим. Только сумасшедший станет выходить в такую погоду или тот, чья жизнь висит на волоске.

Я смущенно подхожу к машине и стучусь в затемнённое стекло. Оно плавно опускается, и моя догадка подтвердилась с первого взгляда.

Алихан сидит за рулём. На нём та же рубашка, что и вчера, только изрядно смятая. Волосы, вчера хорошо уложенные, сейчас в лёгком беспорядке. А на лице... на его бесстрастном, высеченном из мрамора лице, лежит тень усталости. Тёмные глаза выглядят немного припухшими, но взгляд остается таким же острым, мгновенно сфокусировавшимся на мне.

Он правда не уезжал. Провёл ночь здесь, в машине, на холоде, охраняя мой покой как какой-то... страж. Или как тюремщик? Сейчас я не могу понять разницы.

– Вы... вы были здесь всю ночь? То есть, ты... – выдохнула я, не в силах сдержать вопрос.

Мужчина кивает как будто в этом нет ничего необычного.

– Не хотел, чтобы тебя беспокоили. Садись. Поедем.

Он откинулся, чтобы открыть мне дверь и от меня не ускользнуло, что его движения чуть скованны, будто от долгого сидения в одной позе. Вот зачем он спал в машине всю ночь? А если бы на него напали уличные хулиганы?

В салоне пахнет кофе и... его близостью. И снова этим чувством безопасности, купленной такой странной ценой и от которой сжимается горло.

Машина тронулась. Я украдкой смотрю на его профиль, на следы бессонной ночи, и понимаю, что сделка, в которую я вступаю, уже начала работать.

Она создаёт вокруг меня реальность, в которой мужчина, которого я совсем не знаю, спит в машине под моим окном. И я также не знаю, пугает меня это или... даёт какую-то дикую, искажённую надежду.

За окном мелькают указатели выезда из города, трасса уходит всё дальше от центра. Я резко поворачиваюсь к мужчине:

– Мы разве не к юристу едем?

Зачем он выезжает из города? Пытаюсь найти объяснение: может, юрист переехал?

– Останови машину!

Я в панике дергаю ручку. Заперто.

Глава 13

– Амаль, что такое?

Алихан косится на меня, в его взгляде возникает вспышка тревоги. Но мне, скорее всего, просто кажется. Зачем бы он тогда вывозил меня за город?

– Прошу... Останови машину...

Я говорю это, а слёзы уже текут по лицу. Когда они успели появиться? Голос дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость перед посторонним человеком. Я ведь ни разу не такая. Не позволяю себе показывать боль перед другими, потому что чужие проблемы никому не нужны.

Но Сайдулаев... единственный, кому я решилась выложить всё, что на душе, думая, что он правда поможет.

Слышу мужской вздох, и машина плавно перестраивается между рядами, чтобы остановиться у обочины.

– В чём дело? Тебе плохо?

Кажется, мне холодно и то того меня трясет. А может и по другой причине.

Тянусь к ручке.

– От-ткрой... пож-жалуйста.

– Амаль.

Он хватает меня за руку, и я вздрагиваю. Немой крик спазмом осел в сжавшемся горле.

Пальцы Алихана такие тёплые, согревают мою ладонь, но мне страшно. Я совсем ничего о нём не знаю и позволила себе обмануться. Кто вообще в здравом уме будет заключать фиктивный брак с незнакомцем? Ещё и в машину к нему села. Случись со мной что-нибудь, ответственность не меня, а его защищать будет. Потому что скажут, что села в машину к чужому мужчине.

Господи, какая же я дура! Ослеплённая надеждой, наконец, выкарабкаться из тьмы, дура!

– Я передумала. Не хочу никуда. Прошу, отпусти меня.

Алихан внимательно всматривается в моё лицо, а затем его взгляд смещается на мои пальцы, тщетно тянущую ручку.

– Амаль, скажи мне, что тебя беспокоит?

Я судорожно всхлипываю, обхватывая себе руками. Кончики пальцев обледенели.

– Куда ты меня везёшь?

Воображение рисует самые страшные картины. Я взаперти, в его власти. Если Алихан захочет закопать мой труп в лесу, никому и дела не будет. Подписчики пошумят немного и забудут. У меня даже близких нет, чтобы схватиться.

– Мы едем к моему юристу. Ты... забыла?

Смотрю на него мокрыми глазами.

– К какому юристу? Почему мы тогда выезжаем из города?

На его лице появляется такое выражение, будто я сморозила чушь собачью.

– Наверное, потому что юрист живет в другом городе. Там же, где и я.

– В другом городе? – переспросила я, чувствуя, как паника немного отступает.

– Да. Мне нужно вернуться в свой регион. Это несколько часов езды. Там я всё улажу.

Там... ты будешь жить.

Последняя фраза тяжело повисла в воздухе. Жить. Не в моей убогой однушке на окраине города. А у него. В его мире. В его доме. В соседнем регионе, который для меня был просто названием на карте. Внутри всё сжалось от страха. Я буду отрезана от всего знакомого. Одна среди чужих людей, чужих обычаев.

– Нас ждут к десяти, помнишь? Поэтому мы выехали так рано.

– Извини... я настолько выбита из колеи, что даже не подумала об этом.

Теперь я выгляжу ещё глупее. Напридумала себе страшилок, и сама же в них поверила.

– Амаль, послушай. Я не тот, кого тебе следует бояться. Ты уже в третий раз пытаешься открыть дверь, – Алихан нажимает на кнопку и в салоне раздаётся характерный щелчок разблокировки. – Я не хотел тебя пугать, просто подумал о безопасности.

Слушаю его и рука тянется на свободу. Дверь поддается, приоткрываю её, вглядываясь в асфальт, но выходить не спешу.

– Смотри, – он протягивает мне планшет. – Это черновой вариант, набросал всё, что пришло в голову. Пока мы едем, можешь прочитать и внести свои правки.

«Брачный контракт» светится на экране.

Я беру в руки гаджет и начинаю читать. Юридический язык, сухой и точный. Брачный контракт. Срок – один год с возможностью продления. Права и обязанности сторон.

Всё так, как говорил Алихан. Я получаю финансовое обеспечение, покрытие всех медицинских расходов матери, юридическую поддержку по делу брата. Взамен – обязательство «поддерживать репутацию семьи Сайдулаевых», «присутствовать на семейных мероприятиях по обоюдной договорённости».

Ни слова о любви. Ни слова о настоящей семье.

И отдельный пункт. Выделенный жирным шрифтом. «Физическая неприкосновенность».

«Стороны соглашаются, что брак является формальным. Любые физические контакты интимного характера строго исключаются, если не будут добровольно инициированы обеими сторонами в отдельном, письменно заверенном соглашении».

От этих слов по лицу разлился жар. Это так... унизительно и обнадеживающе одновременно. Эти пункты фиксируют мою безопасность, но напоминают, что я – предмет сделки с особыми условиями хранения.

Я дочитала до конца и подняла глаза. Алихан всё то время не сводил с меня глаз.

– Всё в порядке? – спросил он нейтральным голосом.

– Да, – выдохнула я. – Всё... как мы договаривались.

– Тогда, если согласна, после контракта мы поедem заключать брак. Сегодня.

Сегодня? В голове что-то ёкнуло.

– Чем быстрее, тем лучше, – ответил он без колебаний. – На моей земле это будет проще устроить. Быстро и без лишних вопросов.

– А как же... мои вещи? Квартира? – залепетала я, хватаясь за знакомые якоря. – И мама... она здесь, в больнице...

Алихан успокаивающе улыбнулся. Совсем немного.

– С квартирой я разберусь. Поговорю с хозяйкой, оплачу простой на несколько месяцев. Вещи потом, после заключения брака, можно будет перевезти. Что касается твоей матери... – его взгляд стал твёрже, – я уже связался с клиникой. Как только мы оформим документы, её переведут в лучший федеральный центр в нашем регионе. Я найму постоянную сиделку, если это потребуется. Всё будет под контролем.

Он говорит так уверенно, будто раздаёт распоряжения на своём предприятии. И, чёрт возьми, это работает. Чувство беспомощности начало отступать перед его железной логикой и силой.

– А брат? – спросила я, и голос дрогнул. – Муслим... он в колонии. Далеко отсюда.

На лице Алихана мелькнула тень и моё сердце тревожно забилося.

– С ним будет сложнее. Его нельзя просто так перевести. Но у моего старшего брата есть связи в системе, мы сможем добиться пересмотра условий, улучшения содержания. А ты... – он посмотрел на меня прямо, – ты сможешь его навещать. Я обеспечу тебе безопасные поездки. Это я обещаю.

Это не такое однозначное решение, как с матерью. Но это больше, чем я могла сделать сама за все эти месяцы. Хоть какая-то надежда.

Страх борется с облегчением. Одиночество – с обещанием защиты. Потеря всего знакомого – с шансом спасти самых близких.

Я смотрю на его лицо, на усталые, но непоколебимые глаза. На этого мужчину, который спал в машине под моим окном и теперь предлагает стать моей тенью, моей крепостью и моей тюрьмой на ближайший год.

Вздыхаю так глубоко, будто делаю последний вдох в своей старой жизни и киваю.

– Хорошо. Поехали.

Одно слово и дверь в мою прежнюю жизнь захлопнулась навсегда.

Глава 14

Офис его юриста оказался не в стеклянной башне, а в старинном, солидном здании в центре города. В коридоре звучит дорогая, глухая тишина. Меня провели в кабинет, где за огромным столом сидит немолодой мужчина с умными, спокойными глазами. Алихан рядом со мной. Он кивнул мне, его взгляд стал деловым, не оставляющим места для лишних эмоций.

Юрист, представившись, протянул мне стопку бумаг.

– Всё составлено в соответствии с вашей устной договорённостью. Внимательно ознакомьтесь.

Мы подписали контракт здесь, на земле Сайдулаева. От себя я попросила добавить ещё и то, что не претендую на имущество Алихана, только на оговорённое.

Всё чётко, юридически безупречно. Но для мира, в который я теперь погружаюсь, этой бумаги недостаточно. Для подачи заявления в ЗАГС нужен никах. Религиозное обрядовое бракосочетание. Без него, в глазах нашей семьи и всей общины, мы не станем мужем и женой и наш союз будет считаться блудом.

И здесь возникла стена. Для никаха нужно разрешение моего махрама – ближайшего родственника-мужчины. Отца нет. Брат... брат в колонии строгого режима, за сотни километров отсюда.

Я сижу в приёмной юриста Алихана, пока он решает этот вопрос по телефону. Его голос звучит властно, когда он говорит с кем-то о «допусках», о «специальном разрешении». Кажется, невозможное для простых людей для него было лишь вопросом времени и связей.

Через два часа мы едем по унылой, серой дороге, ведущей к исправительной колонии. Со мной в машине сидит не только Алихан, но и пожилой, седобородый мулла. Он молчал почти всю дорогу, перебирая четки и нащёптывая молитвы.

...

Колония. Высокие стены с колючей проволокой, вышки, ощущение безысходности, вьдающееся в кожу. После долгих проверок нас провели в комнату для длительных свиданий – убогую, с пластиковым столом и стульями. И вот я вижу своего брата.

– Муслим!

Мой старший брат. Похудевший, с новыми морщинами у глаз, но с тем же упрямым, острым взглядом. Увидев меня, он сначала улыбнулся, но его взгляд тут же стал настороженным, когда он заметил Алихана и муллу. Мы обнялись, и я почувствовала под пальцами, как он стал ещё более костлявым.

– Сестрёнка, что происходит? Кто эти люди? – спросил он, кивая в сторону.

Я сажусь напротив него, беру его руки в свои. Они все шершавые, в ссадинах.

– Муслим, выслушай меня внимательно. Мне нужна твоя помощь. Только ты можешь мне помочь.

И я начала рассказывать: о менеджере Артуре, о его грязном предложении, об угрозах в адрес мамы. О том, как я выбежала в слезах и наткнулась на Алихана. Я не стала говорить о лишнем, говорила только о сделке. О защите. О том, что это единственный способ обеспечить маме лечение, а ему – хорошего адвоката.

Брат слушает, не перебивая. Его лицо становится всё мрачнее, и когда я закончила, он долго молчал, глядя куда-то в стол.

– И ты веришь ему? – наконец выдохнул он, кивнув в сторону Алихана, который стоит у двери, дав нам поговорить наедине.

– У меня нет выбора. Но... он уже помог. Маму переводят в лучшую клинику. Мы... оформили юридический контракт. Я буду в безопасности.

Брат медленно кивнул. Потом поднял взгляд на Алихана.

– Я хочу поговорить с ним. Наедине.

Муллу и я вышли в коридор. С тревогой на сердце я прижалась лбом к холодной стене, слушая приглушённые голоса за дверью. Я не могу разобрать слов. Только низкий, размеренный баритон Алихана и более резкие, отрывистые реплики брата. Разговор длился недолго, минут пять, но каждая из них, отделяющая нас железной дверью, кажется вечностью.

Потом дверь открылась. Увидев разглаженное лицо брата, я подошла к нему и крепко обняла.

– Он говорит, что даст тебе письменные гарантии. Что не тронет тебя без твоего согласия. Что обеспечит маму. И... поможет мне с адвокатом, – брат говорит с трудом, будто каждое слово даётся ему ценой невероятных усилий. – Я не знаю, можно ли ему верить, Амаль. Но я вижу, что другого выхода у тебя нет. И если он нарушит слово... – в глазах Муслима мелькнула та самая опасная искра, из-за которой он здесь и оказался.

– Мне кажется, ему можно верить, – тихо уверяю я брата.

Он, недолго думая, обернулся к мулле и кивнул.

– Я, брат Амаль, даю своё разрешение на брак моей сестры с Алиханом.

Муллу оживленно достаёт из сумки чистый лист бумаги и ручку и просит Муслима, под диктовку муллы, написать своё согласие, поставить дату и расписаться.

Я смотрю на его неровный почерк поверх седобородого старца, а Алихан ждёт рядом, следя, как Муслим каждую букву выводит с невероятной тщательностью, будто осознает, как от этого зависит моя дальнейшая жизнь.

Через час мы уже выезжаем за ворота колонии. У муллы в руках заветное разрешение, а у меня на душе тяжёлый камень вины и смутной надежды. Я продала свою свободу, чтобы купить шанс на свободу для близких.

И вечером, тот же мулла, в небольшой, уютной мечети, при свете мягких ламп, заключил наш никах. Я стояла рядом с Алиханом, в своем брючном костюме, но волосы неумело скрывал платок, который мне дала техничка. Мулла читал молитвы на арабском, и задавал вопросы, на которые Алихан давал твёрдые ответы. Потом мулла повернулся ко мне.

– Амаль, дочь Рашида, ты согласна стать женой Алихана, сына Идриса, согласно законам Всевышнего?

Я взглянула на Алихана. Его профиль в полумраке мечети казался хоть и суровым, но в его глазах мерцает загадочный блеск. И хоть бы ради приличия отвёл от меня свой пытливый взгляд! Чего так пристально смотреть не понимаю.

Глава 15

– Согласна, – прошептала я, первая, не выдержав взгляд медовых глаз.

Муллу произнёс заключительную молитву. И всё. Теперь, в глазах Бога и этой общины, я стала женой Алихана Сайдулаева. Законной. Фиктивной.

Муллу поздравил нас с заключением брака и ушёл. Я волнительно мну подол своего пиджака, то и дело поглядывая на Алихана и вдруг замечаю... лёгкую улыбку на его лице. Совсем едва заметную, когда вокруг глаз собирается сеть паутинок. Вообще, я заметила, что он умеет улыбаться одними глазами и выглядит это... ну, очень обворожительно!

– Ну, что, жена. Поехали домой?

Я почти поперхнулась воздухом от этих слов. Нет, понимаю, что у меня теперь новый статус, но Алихан назвал меня своей женой слишком... нагло что-ли, как-то довольно, собственнически. Вот всё ещё лыбится, вижу по глазам.

Да, нет, я придумываю. Его, наверное, просто забавляет эта ситуация. Если подумать, то фиктивный брак – это полный бред и, если бы не нужда, я бы никогда не стала играть с божьими законами. Это совершенно аморально.

– Кхм, угу, можно, – бросаю смущенно, пряча лицо за волосами.

– Я заправлюсь, и мы поедем. Подожди меня здесь.

И с чего это я так стесняюсь? Для него этот брак такой же фиктивный, как и для меня. Тогда почему меня терзают мысли всякие, которые я боюсь признавать? Воспаленное воображение. Всё из-за него.

Всё-таки за последние сутки столько событий произошло, что на трезвую голову и не разберёшься.

Киваю и Алихан выходит из мечети, которая расположена рядом с АЗС. Я отдаю платок той же женщине-техничке.

– Да благословит ваш брак Всевышний. Такая красивая пара, глаз не оторвать, – улыбается она добродушно, а мне так неловко от этих поздравлений, потому что никто ведь не знает, что брак фиктивный. – Как вы познакомились? Такой мальчик красивый, высокий, а сама как куколка.

– Спасибо, – всё поплыла я от комплиментов незнакомой женщины. – Мы... по работе столкнулись.

Она еще говорит несколько приятных слов, которые вызывают во мне тёплую улыбку. Вроде бы ничего такого, но эти слова обняли меня и напомнили мою маму... А ведь она даже не в курсе моей «свадьбы». Я планировала позвонить, когда всё закончится и спокойно объяснить.

И совсем не к месту у меня опять слёзы на глазах. Как она выдержит новость о том, что единственная дочь вот так выскочила замуж за парня другой нации? И что подумает, когда ей придётся лечь в центр, который выберет для неё мой... муж. Фиктивный.

Офф... Я такая голодная, что живот уже режет, ещё и голова разболелась от мыслей.

Только вытираю слёзы ладонями, пряча следы своей сломленности, как передо мной возникает Алихан. Он что-то держит в руках, крафтовый пакет, от которого исходит умопомрачительный запах. Но его медовые глаза недовольно всматриваются в мои.

– Что такое? Кто обидел?

У меня вырывается смешок сквозь горячие слёзы. Он заботится обо мне, сразу подумал, что кто-то обидел. Что это, если не забота? Ну вот, что? Сайдулаев правда мужчина с большим сердцем. Он выручил меня.

Мне не у кого было просить не то, что денег, даже элементарной помощи. А сейчас, есть шанс на спасение мамы и... возможно, получится пересмотреть дело брата.

– Всё в порядке. Это я так...

– От радости?

Теряюсь, потому что Алихан серьёзен.

– Ладно, а то напридумал себе всего... Ты голодна? Здесь ничего путного нет, но есть горячие бутерброды и кофе.

Кусаю губу, чтобы не разрыдаться. Да что ж такое-то? Откуда во мне столько влаги сама поражаюсь. Просто это его отношение... вроде бы обычное, но такое человеческое, предусмотрительное и бережное так сильно подкупает меня, что мне даже больно.

Больно от мысли, что в жизни у меня не будет такого мужа, как Алихан. Настоящего. Без договорённостей, без условий. Очень жаль.

Мы выходим из мечети в холодные сумерки. Тишина вокруг давит на уши после торжественных слов и сумбурных мыслей в голове. Алихан идёт рядом, его плечо почти касается моего, наверное, он просто не замечает. Мужской парфюм, стойкий после целого дня, щекочет нос, вызывая странную реакцию в животе.

Между нами теперь лежат не только подписи на бумаге, но и благословение муллы и разрешение моего брата, вырванное из-за тюремных стен. Этот мужчина сделал невозможное. И это навевает меня на мысль, что для Сайдулаева не существует преград. Он всё пройдет.

Наш ужин проходит молча: столиком послужил капот дорогой тачки, на который Алихан положил пакет с едой и кофе.

Путь назад отрезан окончательно.

Глава 16

Алихан

Дорога домой – знакомая, выщербленная асфальтом трасса, но сегодня она кажется другой, потому что на пассажирском сиденье – она. Моя жена.

Слово отдаётся в голове глухим, нереальным эхом.

Жена.

Бумага в папке на заднем сиденье ещё пахнет свежей печатью. Штамп ЗАГСа, две подписи – моя и её, дрожащая, но твёрдая. Всё произошло с сюрреалистичной скоростью. Мои звонки, мои связи, моё влияние – всё сработало как швейцарский механизм. За два часа мы стали мужем и женой. На бумаге.

Я украдкой бросаю на Амаль взгляды. Она сидит, прижавшись к двери, смотрит в окно на мелькающие деревья и поля. Всё ещё в тех же брюках и пиджаке, в чём приехала к юристу. Я не успел даже подумать о том, чтобы сказать ей переодеться. А теперь уже поздно.

Брюки. У нас женщины брюки не носят. Платья, юбки ниже колена, платки. Скромность, закрытость. А она... она в облегающих, пусть и классических брюках, которые подчёркивают каждую линию её стройных бёдер. Маленькая, но фигуристая. Всё такое аккуратное, словно созданное для самых нежных и ласковых рук.

У меня совсем не так. Мои руки грубы от работы в горах на стройках собственных отелей, я совсем не подхожу такому нежному цветку. Ей бы кого-нибудь чуть помладше, кого-нибудь, кто...

Вот зачем я думаю об этом?

Знаю ведь, что не выношу даже мысли, что к ней может притронуться кто-то другой. И с той самой секунды, что она стала моей законной женой, во мне растёт странное чувство. Оно всё время нашептывает мне: «Амаль моя. Целиком и полностью.»

Это всё моё. От светлых волос, свободно падающих на плечи до изящных ног на каблуках. Она – полная противоположность тому образу «невесты Сайдулаевых», который наверняка уже месяцами рисует в своём воображении моя мать.

Мать.

Мысль о ней заставляет сжаться что-то внутри. Для неё это будет шок. Не просто неожиданностью, а настоящим культурным ударом. Я везу домой девушку не нашей нации, не нашего круга, не нашего уклада. Но я уверен в одном – Амаль хорошая. Порядочная. Сильная. Я видел это в её глазах, когда она защищала свою семью даже в состоянии полной беспомощности. Видел её достоинство, даже когда она плакала. Мать должна это понять. Со временем.

Мы минуем пограничный пост между регионами. Офицер, узнав меня, лишь кивает, даже не проверяя документы. Имя брата работает везде.

Мы въезжаем на мою землю. Воздух за окном будто становится другим – знакомым, резким, своим.

Я останавливаюсь на светофоре и, не удержавшись, поворачиваю голову, чтобы посмотреть на свою жену.

Благо Амаль не видит моего неосторожного взгляда. Она смотрит на незнакомые улицы, и в её профиле читается напряжение и грусть и такая хрупкая, нездешняя красота, что у меня в очередной раз перехватывает дыхание. Ну, совсем уже поплыл, ёмаё!

Мои глаза нагло скользят по её лицу. Чуть округлые щёки, не смотря на худобу, длинные ресницы, а губы... Мфм! Пухлые, с чётким, чувственным контуром, слегка приоткрытые. Они кажутся такими мягкими... Вот бы дотронуться. Хотя бы легонько поцеловать, почувствовать её вкус.

Резко отвожу взгляд от греха подальше, и так часто дышу, чтобы успокоиться, но глаза живут своей жизнью и снова возвращаются, будто притягиваемые магнитом.

Молочная, почти фарфоровая кожа, без единой тени загара. В вырезе её простой блузки видна впадинка между ключицами и на ней маленькая, коричневая родинка. Совершенно незначительная деталь, которая вдруг кажется самой эротичной вещью на свете.

Наваждение накатывает горячей, густой, запретной волной. Я вдруг с болезненной ясностью представляю, как бы прикоснулся к этой родинке губами. Как бы почувствовал под ними биение её сердца. Как бы...

Вот опять!

Я с силой сжимаю руль, вымещая на кожаном ободке свое отчаяние. Нет. Это недопустимо. Я дал слово, что не трону. Пункт оговорён в контракте. Она не для этого. Она здесь под защитой. Не для того, чтобы стать объектом моих больных, голодных фантазий.

Приеду домой сразу пойду в зал, спустить... пар. Заставляю себя думать о другом. О матери, например, с отцом не так сложно. О том, как представить Амаль. О том, как обустроить для неё комнаты в доме, чтобы она чувствовала себя хоть немного свободно. О звонках врачам по поводу её матери.

Светофор переключается на зелёный, и я давя на газ. Хочу поскорее выйти на воздух, потому что салон, кажется, насквозь пропитался её запахом. Невыносимо знать, что она моя и не иметь возможности взять. Бррр, прикоснуться.

Но краем глаза я всё равно вижу, как моя Амаль вздрагивает от резкого старта и поворачивает ко мне своё прекрасное, испуганное лицо. И это лицо будет теперь со мной каждый день, каждое утро и каждую ночь. Моё самое сокровенное желание и моя самая суровая аскеза. В одном лице.

Глава 17

Амаль

Ночь поглотила дорогу. Мы ехали обратно из мечети на большой скорости, а темнота за окном превратилась в расплывчатое, безжалостное полотно.

Меня клонило в сон, поэтому я сижу, поджав под себя ноги и обняв за плечи, чувствуя, как дрожь пробирает меня до костей. Не от холода. Наверное, просто от осознания. Никах. Я теперь... его жена. По всем законам, которые здесь имеют значение.

Алихан, всё это время молча сидевший за рулём, нарушил тяжёлую тишину:

– Сейчас уже поздно ехать к родителям. Не будем устраивать представление на ночь глядя. Переночуем у моего старшего брата, Анзора. В городе.

Анзор. Полковник. Тот самый, про которого я спросила на том роковом интервью. Какая ирония. Теперь я буду ночевать в его доме как жена его младшего брата. От этой мысли стало как-то не по себе.

Мы въехали в спальный район, подъехали к большой, добротной территории. Там, где я живу не строят такие красивые дома, все уживаются на маленьком клочке земли или вовсе предпочитают ничего не менять.

Выходим из машины и как по заказу, хлынул холодный, осенний дождь. Мы промокли за несколько секунд, пока Алихан звонил в домофон.

Дверь открыл сам Анзор, судя по высокому, мощному телосложению, с пронзительным, оценивающим взглядом, который мгновенно скользнул по мне, от моих мокрых светлых волос до брюк. В его лице нет ни капли удивления, лишь холодная, настороженная внимательность, словно ждал нас.

– Заходите, – сказал он коротко, отступая.

В прихожей тепло, пахнет чистотой и спреем для интерьера. Из комнаты появилась молодая девушка, скорее всего это и есть та самая жена Анзора, о которой говорил весь Кавказ. Миловидная, с тёплыми зелёными глазами, но сейчас в них читается растерянность. Ещё бы! Время уже за полночь.

Алихан что-то тихо сказал брату, затем обернулся ко мне:

– Амаль, иди с Элиной в гостиную, обогрейся. Мы ненадолго.

Мужчины ушли в другую комнату, плотно закрыв за собой дверь. Я осталась с Элиной в огромной, строгой гостиной. Она сразу предложила чай, тёплую пищу, но я вежливо отказалась. Мы сидим, и я чувствую, как она разглядывает меня, мою непривычную для этих мест внешность, хотя девушка сама рыжая, яркая.

Моя мокрая одежда оставляет следы на красивом молочном диване. Я пытаюсь улыбаться, но получается натянуто. Нервничаю из-за приглушённого, но напряжённого разговора мужчин, который доносится до нас глухими обрывками.

Через какое-то время Алихан вышел, я попыталась угадать по его лицу итог разговора, но мужчина остаётся непроницаемым.

– Элина, размести Амаль где-нибудь на ночь, пожалуйста.

Элина кивнула и сразу увела меня в другую часть дома, в небольшую, но уютную гостевую комнату. Я хотела поговорить с Алиханом, не знаю о чём, но просто поговорить, потому что мне тревожно. Однако мужчина вышел куда-то со спортивной сумкой.

Он ушел, оставив меня здесь одну?

Мне принесли чистые полотенца, пижаму (очевидно, свою, на мне она сидит мешковато), пожелали спокойной ночи и удалились. Я осталась одна. В тишине чужого дома. Жена. И при этом совершенно одинокая.

Ночь проходит в тревожной дрёме. Я просыпаюсь от каждого скрипа, прислушиваясь к звукам дома. А ещё чувствуя себя невозможно грязной: из-за езды в машине целый день, из-за дождя. Если завтра меня познакомят с родителями мужа, то нужно выглядеть опрятно.

Как минимум искупаться, погладить одежду. Надеюсь, Элина одолжит мне средства для укладки волос и косметику. А сейчас я беру полотенце и преодолев, ломящую кости усталость и лень, иду в гостевую ванну.

Купаюсь я быстро. Закончив, понимаю, что здесь нет фена и придётся всю ночь проспать с мокрыми волосами. Не самое приятное состояние, но что делать? Придётся собрать их в маленькое полотенце, а большое махровое я намотала на тело.

Открываю дверь, тут же чувствуя, как в пропаренную комнату залетает сквозняк. Ёжусь, стискиваю край полотенца, как если бы это помогло мне согреться и ударяюсь обо что-то.

Полотенце съезжает в сторону, но я держу слишком крепко, чтобы оно в принципе свалилось с меня. А судя по мужским ногам на пороге, ударила я не обо что-то, а в кого-то.

Конкретно, в Алихана.

О, боже... он же... почти голый. Как и я.

В смысле, он одет, но... голый по пояс. Я даже вижу капли, стекающие по идеальным мышцам вниз, исчезая за поясом мужских брюк. От него пахнет солью и тем самым будоражащим кровь мужским запахом. Чем же он занимался в три часа ночи, что весь вспотел?

Я рада, что он всё-таки не бросил меня и вернулся, но, да ладно, сейчас главное не это. А то, что мы оба полуголые столкнулись в одном коридоре посреди ночи. И то, что Алихан разглядывает меня как-то не очень... фиктивно.

И как теперь выкрутиться?

Я осмеливаюсь поднять на него глаза всего один раз, чтобы увидеть в них мерещащийся мне дикий огонь, и позорно дотягиваюсь до выключателя, чтобы сбежать в свою комнату.

Глава 18

Алихан

– Ты с ума сошёл? – не успела за нами закрыться дверь, как Анзор схватил меня за воротник рубашки. – Ты вообще знаешь её?

– Лучше, чем она сама, – отвечаю я, чувствуя, как по венам огонь разливается. – Я следил за ней год. Каждый пост, каждую фотку... Она даже не представляла, что я существую.

Старший брат напрягся, но отпустил меня, делая шаг назад. Да, Анзор. Слишком знакомый узор зависимости. Тебе ли не знать?

– И что теперь? – он бросил взгляд на закрытую дверь, там, где за стеной находится Амаль.

– Теперь она моя.

Анзор качает головой, не одобряя мой выбор, но мне уже всё равно. Он сам женился на девушке, которую полюбил, и новость о его браке обсуждал весь Кавказ целую неделю. Потому что Анзор пошел на крайние меры ради любимой женщины.

И сейчас, зная и понимая, какого мне, он не имеет права не принимать мой выбор.

– Мать сума сойдёт. Она до сих пор к Элине не привыкла, а тут ещё ты бензина подлил.

– Привыкнет. Амаль никуда не уйдет. Она моя жена. Всё сделано, как полагается по нашим законам.

– Она же сватала тебе дочь подруги...

– Теперь перестанет. Мама хотела видеть меня женатым, пожалуйста. Воля исполнена.

– погоди, – Анзор бросает на меня подозрительный взгляд. – Хочешь сказать, что из-за этого такая спешка? Всё из-за давления?

– Нет, – твёрдо отвечаю я.

У Анзора всегда хороший нюх, военный как никак. Ему ничего не стоит расколоть меня, поэтому держимся крепко за легенду про влюблённость.

– Но почему именно она? Ты что не мог жениться на нашей девушке? И к чему вообще такая спешка? Без торжества, без должной подготовки...

Пожимаю плечами и хочу сказать «какая разница», но взгляд брата вдруг становится настороженным.

– А ну-ка, стой, засранец. Ты что... спал с ней? Эта девушка беременна? Поэтому вы тайно поженились?

Его слова звучат настолько абсурдно, что я нервно усмехаюсь. Недолго правда. Меня снова хватают за помятый воротник и встряхивают. Мы с Анзором почти одного роста, только мышц у него побольше за счёт профессии.

– Говори!

– Да не трогал я её!

– Клянусь, Алихан, я тебе все рёбра переломая, если ты мне врешь. Говори, как есть! К чему этот брак?

Старший брат никогда не славился сдержанностью, а после того, как встретил свою жену, ему вообще тормоза снесло. Ещё мне что-то про нравственность заливает. Сам такое учудил, что о нас от моря до южных гор шептались.

– Я уже говорил: мы встретились на бизнес-форуме. Она мне нравится, вот и предложил жениться.

Но Анзор и бровью не повёл. Не верит мне, гад.

– И она сразу же согласилась?

– Да.

– Выйти замуж за человека, про которого знать не знает? Вот так сразу?

– Ага.

Пришлось ему показать все бумаги, штампы, доказательства. Однако братец понял, что с моей женитьбой не всё чисто. Говорю же, нюх ментовский.

– Дай мне свой пропуск в зал.

Анзор, который было немного пришёл в себя, снова вытаращился на меня.

– Зал в час ночи? Что на тебя нашло?

– Мне нужно! – цежу я сквозь зубы, уже с трудом сдерживаясь. – Я... слишком напряжен.

Он смеряет меня странным взглядом и его лицо меняется. Анзор бросает мне карточку и свою сумку со спортивной одеждой.

Я уезжаю в зал, чтобы снять не только напряжение, но и попробовать не думать о *ней* хотя бы пару часов.

Мчусь по ночному городу, ветер бьёт в лицо через открытое окно машины, но это не остужает, внутри всё равно горит.

Через двадцать минут я уже в спортзале, который работает круглосуточно. В этом часу здесь никого, только я и сотни квадратных метров пространства для выплеска накопившегося.

Бросаю сумку на скамейку, достаю перчатки. Кожа приятно холодит ладони. Разминаю шею, плечи, суставы хрустят – напряжение сковало каждую мышцу. Подхожу к боксёрской груше. Бью сначала осторожно, проверяя ритм, потом всё сильнее, всё яростнее. Удар, ещё, и ещё. Каждый хлопок резонирует в пустоте зала.

Мысли рвутся наружу, но я загоняю их обратно ударами. Амаль. Её глаза, когда я сказал про брак. Её запах, когда я наклонился слишком близко. Её голос в мечети, тихий, но твёрдый: «Согласна».

Ей следовало отказаться. Глупышка, надо было бежать от меня за версту.

Что в ней такого, что я не могу перестать думать? Почему даже сейчас, когда я должен успокоиться, она заполняет каждую мысль?

Бью до тех пор, пока руки не начинают гореть под перчатками. Пот заливает глаза, футболка прилипает к спине. Но это не помогает – образ Амаль не исчезает.

Отхожу от груши, хватаю бутылку воды. Глотаю жадно, почти задыхаясь. Смотрю на своё отражение в зеркальной стене: лицо красное, волосы мокрые, глаза дикие.

Я сошёл сума, но это не меняет ничего.

Снова подхожу к груше. На этот раз бью не в ритм, а хаотично, яростно, будто пытаюсь выбить из себя саму мысль о ней.

В голове опять мелькают кадры прошедших двух дней: её улыбка, когда она впервые посмотрела на меня. Её пальцы, нервно сжимающие край одежды. Её голос, шепчущий «да».

Опускаюсь на скамью, тяжело дыша. Руки дрожат. Смотрю на перчатки, на которых кожа местами перетёрта, но цела. Как и я. Пока цел.

Вытираю лицо полотенцем. Нужно ещё. Ещё один подход. Ещё сто ударов. Ещё тысяча мыслей, которые я должен выбить из головы.

Встаю. Подхожу к груше.

И бью.

...

Я возвращаюсь домой к середине ночи. Все давно спят.

Скидываю кроссовки у порога, на ходу стягиваю пропотевшую футболку. Тело всё ещё гудит от нагрузки, но разум по-прежнему не отпускает навязчивый образ. Нужно смыть с себя этот бесконечный день, этот нескончаемый диалог с самим собой.

Направляюсь в ванную и замечаю, как дверь приоткрывается. Изнутри пробивается тусклый свет. Я уже протягиваю руку, чтобы распахнуть её, и в этот момент она открывается сама.

Мы с Амаль сталкиваемся на пороге.

Девчонка замирает, увидев меня, а я сам не сразу осознаю, что стою перед ней без футболки. Сам как привороженный разглядываю её мокрые, волосы, которые, оказывается, завиваются на концах. Капли стекают по тонкой шее, прячутся в складках большого полотенца, обёрнутого вокруг тела. Полотенце держится едва-едва – один неосторожный вздох, и оно может соскользнуть.

Я застываю. Воздух между нами будто сгущается, становится тяжёлым, насыщенным чем-то порочным.

Она смотрит прямо перед собой, и в её глазах знакомая тень смущения и удивления. У девчонки вся жизнь перевернулась на сто восемьдесят градусов.

Ни один из нас не двигается. Я вижу, как робко бьётся жилка у неё на шее, как подрагивают ресницы, как капли воды мерцают на коже, словно россыпь крошечных звёзд.

Красивая. Моя.

Такая, что хочется протянуть руку, коснуться, провести пальцем по влажной линии ключицы, проследить путь одной из этих капель. Но я стою, сжав кулаки, потому что нельзя. Не сейчас. Не здесь. Не тогда, когда она так близко и так недоступна одновременно.

Внезапно она вырубает свет, пробегает мимо, оставляя после себя тепло своего тела и запах свежести. Исчезает в коридоре, где отпечатываются влажные следы её маленьких ног на полу и вихрь мыслей в моей голове.

Захожу в ванную. Зеркало запотело, в воздухе пар. Включаю холодную воду, наклоняюсь и плещу себе в лицо. Капли стекают по шее, капаят на пол, но прохлады не помогает.

Я одержим ею.

Это осознание бьёт сильнее, чем удары по боксёрской груше. Оно пронзает насквозь, вырывается из самых глубин, где я так старательно его прятал.

Одержим.

И это не игра. Не фиктивный брак. Не импульсивное решение. Я хотел её ещё с той секунды, когда впервые увидел в сети.

Вытираю лицо полотенцем, смотрю на своё отражение. Глаза всё ещё горят, но теперь по другой причине.

Нужно что-то решать. Но не сегодня. Сегодня я просто хочу забыть, как она стояла передо мной обнажённая, как пахла, как смотрела.

Включаю воду, захожу под струи. Холодные капли бьют по плечам, по спине, по груди, но внутри всё равно жарко.

Амаль.

Мысль остаётся со мной, даже когда я выключаю воду и выхожу. Даже когда иду в свою комнату. Даже когда закрываю глаза.

Она – моя жена.

И я сделаю всё, чтобы она стала моей по-настоящему.

Глава 19

Амаль

Врываюсь в свою комнату, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Дыхание сбивается, руки дрожат, пока я медленно опускаюсь на пол, всё ещё сжимая в пальцах край полотенца.

Что это было?

В голове крутятся его глаза, его близость. Я закрываю лицо руками, пытаюсь унять бешеный ритм сердца. Это просто реакция на стресс. Просто неожиданность. Просто...

Но я знаю, что это не просто.

Не просто, когда я не могу перестать думать о том, как его кожа блестела в свете лампы. Непросто, что мне хотелось протянуть руку и провести пальцем по этим каплям на его голом животе, проследить их путь вниз.

Как теперь спать? Как смотреть Алихану в глаза завтра? Как притворяться, что ничего не произошло?

А что видел он?

Я ведь сама еле в одном полотенце вышла! Почему не додумалась взять в ванну пижаму и переодеться там же? Клянусь, даже мысли не было, что в такой час кто-то меня увидит, а вот те раз...

Глубоко вздыхаю, встаю и иду к кровати. Ничего уже не исправить, остаётся делать вид, будто я не видела его рельефный торс, бугры мышц на плечах с венками, огненный взгляд, оставляющий на моей собственной голой коже, горячие метки.

Но я видела! И мне уже никогда не развидеть.

...

Утром я встаю последней и застаю всех за завтраком. Атмосфера на кухне сдержанная: Анзор почти не смотрит на меня, Элина вежливо приглашает к столу, и Алихан...

Я смотрю на его тёмную простую футболку, наверняка одолженную у брата, и не могу забыть *что* под ней скрывается.

Подумать только, что этот мужчина ходит в строгих костюмах, с маской предпринимателя, а стоит немного расстегнуть...

Уууу.

Опять не туда.

Сажусь на свободное место, оказываясь рядом с ним и молча ем то, что Элина щедро накладывает мне на тарелку.

Допив кофе, Алихан отодвигает чашку.

– Поедем домой. К родителям.

Анзор кивнул, глядя на брата, а у меня глаза ужасом наливаются.

– Мы поедем с вами.

Решил мой... деверь, получается.

Дорога в родительский дом мужа заняла почти сорок минут. Пейзажи за окном становились всё спокойнее, величественнее и... чужими. Наконец, мы свернули на узкую улицу, ведущую к большому, каменному дому Сайдулаевых. От страха больно делать даже глотки.

Машины остановились у ворот. Анзор на правах старшего брата вышел первым, его лицо стало напряжённым, как у полководца перед решающей битвой. Элина встала рядом со мной, улыбнулась подбадривая.

Алихан достал телефон, набрал номер.

– Мама. Вы дома? – взволнованно вслушиваюсь в неразборчивый голос в динамике. – Соберитесь с отцом в гостиной. Я пришёл с сюрпризом.

Ох... понравится ли матери твой сюрприз, Алихан?

Он прячет телефон в кармане брюк и, подойдя ко мне, берёт за руку. Вот так на глазах старшего брата, который лишь закатывает глаза и первым заходит во двор.

Я чувствую его тёплую, сухую и невероятно сильную ладонь. Он ведёт меня к тяжелой, металлической двери за красивой лестницей и, чуть наклонившись в мою сторону, шепчет:

– Не бойся, Амаль. Я рядом.

Рядом.

Мы вчетвером входим в просторный, уютный зал, с массивной деревянной мебелью, которую легко можно принять за царские хоромы. Здесь нас ждут два человека. Мать мужа – невысокая, с убранными под платок волосами, с лицом мудрости и строгости. И отец – высокий, прямой, с седой бородой и взглядом орла.

Все они смотрят на меня.

На мои брюки, на распущенные волосы, на моё испуганное лицо. На наши сплетённые с Алиханом руки.

Лицо женщины ожидаемо искажается в шоке. Алихан делает шаг вперёд, отпустив мою руку. Его голос прозвучал чуть более официально, чем обычно.

– Мама, отец. Я женился, как вы и хотели. Это моя жена, Амаль.

И мир в этом доме перевернулся. Глаза его матери сильнее расширились от шока, а затем недоверчиво сузились, снова сканируя меня с ног до головы. Их отец стоит невозмутимо, будто

вообще не удивлен происходящим. Анзор и Элина стоят рядом, как молчаливые свидетели и, возможно, щиты.

Я стою перед ними, чужеродная, непонятная девушка, привезённая в их крепость под проливным дождём, и понимаю, что самое сложное только начинается. Бумаги и обряды были лишь прелюдией. А сейчас начинается настоящая война за место в этом мире. И я на передовой.

Глава 20

Моя жена. Амаль.

Казалось, время в зале остановилось. Все естественные звуки замерли. Я с опаской смотрю на лицо его матери, сначала окаменевшее от непонимания, затем бледность сменилась приливом крови к щекам, глаза, широко раскрытые от шока, наполнены ледяным ужасом и гневом.

Её тело качнулось, будто от сильного толчка и Анзор, стоявший сзади, молниеносно шагнул вперёд, взял мать под локоть и мягко усадил на массивный диван у стены. Моя свекровь не сопротивлялась, её острый взгляд, снова и снова скользит по мне, будто пытаюсь разглядеть подлог, ошибку, кошмарный сон.

Потом из её груди вырвался не крик, а какой-то хриплый, надорванный вопль:

– Ты что такое несёшь?! Кого ты привёл в дом?! Кто она?!

Она направила прямо на меня дрожащий палец. Понимаю, женщина в диком шоке, но у меня вся кровь отливает от лица, ноги слабеют.

– Спокойно, Фатима, – раздался властный голос отца.

В его словах была такая сила, что мать на секунду замолчала, задышавшись от возмущения. Элина побежала на кухню за стаканом воды, но свекровь не стала пить. Свёкор повернулся к Алихану, и его тяжелый взгляд, пусть и не обращенный на меня, придавил на месте.

– Объясни немедленно. Всё.

Алихан в отличие от меня стоит прямо, плечи расправлены. В его позе нет ни капли вины или страха, только та же стальная решимость, что я видела в нём с первого дня.

– Что объяснять, отец? Я женился. Вы же хотели, чтобы я женился? Вот. Моя жена. Амаль. Она хорошая девушка. Вы к ней привыкнете.

Его простота и почти дерзкое спокойствие взорвали мать с новой силой. Она перевела свой яростный взгляд на Анзора, который стоит, скрестив руки на груди, с бесстрастным лицом.

– Ты знал?! – выкрикнула она.

Анзор едва заметно пожал плечами.

– Нет, мама. Узнал вчера вечером. Да и какая разница теперь? Вам придётся принять их союз.

– Да ни за что! – подсказывает женщина, игнорируя недовольные взгляды своего мужа.

– Этот брак недействителен. Вы не поставили нас в курсе. Я не признаю, понятно? НЕ ПРИЗНАЮ!

В этот момент Элина, моя молчаливая спасительница, тихо подходит ко мне и берёт за локоть.

– Пойдём, – прошептала она. – На кухню. Чай сделаем.

Я позволила ей увести себя, чувствуя себя призраком, незванным гостем, которого нужно спрятать с глаз долой. Мы вышли в коридор, но звуки из зала доносятся чётко, потому что все говорят на повышенных тонах и против воли я продолжаю слышать неприятный разговор.

– Мой брат женился, я за него рад, – говорит Анзор. – Они муж и жена, мама, ты не сможешь ничего изменить.

Голос матери, срывающийся на визг, пробивается сквозь стены:

– Да она даже не нашей нации! Посмотри на неё! Кого ты привёл?! На ком женился?! На какой-то... чужой! Где ты её вообще нашёл?

Каждое слово впивается в спину, как игла. Я замерла у порога кухни, не в силах сделать шаг. Элина потянула меня дальше, но я вырвала руку, прислушиваясь к разговору.

И тогда я услышала ровный голос Алихана. Он в очередной раз встаёт на мою защиту, и от этого по моей коже бегут мурашки.

– Она нашей веры, мама. И этого достаточно. Никах мы заключили. Разрешение её махрама есть. Всё по закону. И по-нашему, и по-Божьему.

В его тоне нет никаких оправданий, просто железная констатация свершившегося. Он выстроил вокруг меня юридическую и религиозную стену, и теперь отбивается ею, как щитом.

– Какой никах?! Какой махрам?! – голос матери дрожит от ярости и кажется, надрывается от слёз. – Ты с ума сошёл, сынок! Ты жизнь себе сломал! Разве так делают, не спросив отца и мать?

– Моя жизнь в полном порядке, – парирует Алихан. – И Амаль теперь часть этой жизни. Примите это, как приняли выбор своего старшего сына.

– Нет, ну вы посмотрите на него, а... Больше дурных примеров взять не смог? То, что Анзор сделал неправильно, но Элина хотя бы нашей крови! Она наша, понимаешь? Их дети будут чистокровными, они будут говорить на языке наших предков, чтить наши традиции...

Больше я не могла слушать. Влетела на кухню, и дверь захлопнулась за мной, приглушив разговор, но не скрыв скандала. Элина молча поставила чайник на плиту, принялась сервировать стол. Её спина напряжена, и я не знаю, что скрывается в её молчании: осуждение? растерянность?

Я сижу обессиленная посреди чужой, сверкающей чистотой кухни, слушая отголоски бури, которую принесла в этот дом, и понимая, что «хорошая девушка» и «привыкнете» – это лишь пустые слова в битве, которая только началась. Я не просто чужая для Сайдулаевых. Я стала вторжением в их идеальную жизнь.

И моим единственным союзником в этой войне является мужчина, чьи мотивы я до сих пор не могу понять до конца.

Он заходит на кухню и встречается со мной взглядом.

– Алихан, – растерянно встаю, незаметно потирая вспотевшие руки о ткань брюк. – Всё же это была плохая идея. Твоя мама злится на нас. Я не думала, что будет так сложно... поэтому, лучше нам... лучше развестись.

Сзади раздаётся звон посуды. Я понимаю, как это звучит, но иного выхода нет. У нас тоже неприняты смешанные браки, но наши люди относятся к ним чуть сдержаннее.

– Я не хочу нарушать ваш покой. Поэтому прошу... разведёмся? Я... извини, что принесла столько проблем. Подадим заявление, и я уеду. Вот прямо сегодня же!

Замолкаю, и поднимаю на него взгляд. Мое искаженное в мольбе лицо вытягивается в замешательстве, потому что Алихан мрачнеет. Даже как-то слишком... я его таким ещё не видела.

Он тяжело дышит, его челюсть напряжена, желваки выступили. Подходит ко мне почти вплотную и не разрывая контакта со мной, бросает в сторону:

– Элина, выйди.

Я сглатываю, но тоже не перестаю смотреть в медовые глаза мужчины. Однако когда дверь тихонько хлопает, оставляя нас наедине, меня начинает мелко трясти. И Алихан так резко надвигается на меня, что я упервшись ногами об стул, падаю на него.

– Всё сказала?

Он склоняется надо мной. Упирается одной рукой в спинку стула, на который я неудачно шлёпнулась, а другую ставит на край стола, создавая кольцо, из которого мне не выбраться. Только если не попробовать оттолкнуть его, а это значит дотронуться...

– Да..., – выдыхаю я, кроликом смотря на него снизу вверх.

Мой ответ, судя по всему, ему не нравится, потому что и без того сведенные брови хмурятся еще сильнее, и мне даже кажется, что Алихан в ярости стискивает зубы.

Он опускается еще ниже и вдруг хватается меня за подбородок, вынуждая запрокинуть голову. Не больно, но... меня пронзает острая вспышка. В животе что-то происходит. Какие-то новые и странные ощущения. Как там говорится... «бабочки летают?».

Наши лица непозволительно близко. Да, мы вроде бы муж и жена, но контракт не предусматривает подобные прикосновения. И всё же я успокаиваю себя тем, что Алихан ничего плохого мне не делает. Я всего-то удивлена. А ещё его запах забивается в нос, приглушая всю мою сдержанность. Как тут не дышать, когда он почти касается меня воздухом?

Мои глаза то и дело нагло опускаются на его чувственные по-мужски пухлые губы, и затем стыдливо поднимаются в карие глаза, которые смотрят на меня со вселенской твердостью.

– Кажется, ты недопоняла, девочка.

И с чего это его голос так низко опустился?

– Ты – моя. А своё – я не отпускаю.

Глава 21

Моя.

Я повторяю это слово про себя снова и снова, заглядывая в потемневшие глаза Алихана.

Он это про контракт, не так ли? Имеет в виду, что я согласилась добровольно играть роль перед его семьей и теперь не могу отступить. Ну, да, а как иначе? Что ты опять себе напридумала, Амаль? Человек столько всего сделал, чтобы помочь мне, а я тут решила бросить всё, испугавшись гнева свекрови.

Я чищу горло от неловкости, и Алихан чуть отстраняется, но воздух между нами всё ещё заряжен.

– Прости, я не подумала... У меня обязательства перед тобой, помню. Просто... не хотела, чтобы...

Вздрагиваю, когда Алихан решительно перебивает меня.

– Амаль. По-твоему, я не в состоянии отстоять свои решения?

– Я так не говорила. Брак – это не простое решение... Мы поставили твою семью перед фактом. Это...

– Это не должно тебя беспокоить, Амаль. Я сам разберусь с реакцией родителей.

Киваю, опустив глаза в пол. Мне так неудобно перед ним. Глупость сказала. Да и нельзя мне бросать Алихана. В смысле, у меня мама тяжело больна, ей нужна дорогостоящая операция, которую я никак не потяну, хоть тресни. Мне нужно вытерпеть всё ради неё и ради благополучия брата. Они моя семья.

И я буду покорно играть роль жены Алихана для этого.

– Посмотри мне в глаза.

Я теряюсь. Просьба вроде обычная, но вот тон, которым он её произнёс... такой властный, пробирает до мурашек.

Несмело и на грани со стыдом поднимаю свои глаза на мужчину.

– Я не дам развод. Никогда. Не смей больше такое говорить.

Губы сами собой складываются рыбкой, из горла вырываются звуки, но я настолько потеряна его словами, что у меня не получается ничего толкового произнести.

– Но как же... н-никогда? А наш, – я осекаюсь, взгляд устремился на закрытую дверь и добавляю тише: – Как же наш договор? Я помню указанный срок.

Брови Алихана чуть разглаживаются.

– Само собой. Пока не закончится контракт, ты – моя жена. И ты же помнишь пункт, что при необходимости, его можно будет продлить?

– Помню, – уже спокойнее отвечаю я. Год. И неясно что произойдёт через двенадцать месяцев. – Только надеюсь, что не придётся.

– Почему же?

– Не хотелось бы доставлять тебе ещё больше неудобств.

– Мы договорились. Каждый из нас выполняет определенные функции, так что никаких неудобств, Амаль. Понимаю, что тебе сложно, но не принимай ничего на свой счёт. Мама у нас такая, немного требовательная.

– Хорошо. Только у меня есть один вопрос...

– Слушаю.

Облизываю губы от волнения. За один день я их так искусала, что они все выветрились. Вопрос, который я собираюсь озвучить тревожил меня всю дорогу до дома Сайдулаевых.

– Мы будем жить здесь? Вместе со всеми? Не пойми меня неправильно, просто я не привыкла так... Я же практически всегда была одна.

Мужчина смотрит на меня и глубоко вздыхает. В этом жесте, к счастью, нет раздражения, просто как будто я задела сложную тему.

– Пока что, да, Амаль. В моей квартире идёт ремонт. Если хочешь, завтра поедем посмотреть и ты сама внесёшь любые изменения. Тебе там всё-таки целый год жить, а может и больше.

Вот смотрю в его глаза, и опять вижу эти паутинки в уголках.

– Я бы не хотела вмешиваться в твою жизнь *настолько*, Алихан. Уверена, ты и сам всё сделаешь по вкусу.

Мужчина хмыкает, но выглядит уже не таким хмурым.

– Хорошо, но квартиру я всё равно покажу тебе завтра вечером, после работы. Посмотришь планировку, решишь, что купить и обставишь свою комнату.

– Мою комнату?

– Ну, да. Пункт в договоре. Я сдержу своё слово, у тебя будет своя комната, но здесь...

Алихан вдруг делает шаг и произносит чуть тише:

– Под этой крышей нам придётся спать вместе.

Глава 22

Спасть вместе...

Просто совместное использование мягкой поверхности. Словно мы два деловых партнёра, делящие конференц-зал. Но кровать – не конференц-зал. Это территория запахов, тепла, произвольных касаний во сне. Территория уязвимости.

В голове пронеслись панические мысли.

А если я буду ворочаться? А его дыхание... так близко... А утром? Проснуться и увидеть его спящее лицо в полуметре от своего?

– Я... понимаю, – наконец выдавила я, чувствуя, как тепло приливает к щекам.

– Хорошо. Осваивайся.

Шок родителей Алихана постепенно сменился ледяным, вынужденным принятием.

– Что оставалось делать? – говорила свекровь по телефону, называя всем родственникам о произошедшем. – Сын привёл жену. Никах заключён.

Так что, скандал скандалом, но семья Сайдулаевых не могла позволить себе публичный позор. Меня «приняли» как неизлечимую болезнь или стихийное бедствие.

И вечером должен по традиции состояться приём. Нет, не пышная свадьба, а официальное представление новой невестки родне, соседям и близким друзьям семьи. Меня должны вывести в зал и сказать: «Вот, жена Алихана».

От одной мысли об этом меня бросает в холодный пот. Я, которая привыкла к камерам, к сотням глаз подписчиков, боюсь реакции этих нескольких десятков людей. Потому что там, в блоге, я контролирую картинку, а здесь я предстану живым экспонатом, чужаком под лупой.

И меня будут рассматривать, о да! Каждую клеточку на мой коже разглядят.

Когда все более-менее устаканилось, мать Алихана с каменным лицом заявила, что я не могу появиться перед гостями в брюках.

– Женщины у нас так не ходят.

Её взгляд, скользнувший по моей одежде, говорит красноречивее любых слов: «Ты и так чужеродное пятно, так хоть оденься по-человечески».

– Извините. Все произошло так быстро, что я не успела подготовиться, – нервно улыбаюсь я.

Теперь придется наперед обдумывать свои слова, чтобы не спалиться.

– Может быть ей подойдет что-нибудь из моего гардероба? – мило предложила Элина.

– Нет, так не пойдет! На мою невестку все будут смотреть, она должна выглядеть сног-ши-бательно.

– Тогда поехали по магазинам?

Элина весело подпрыгнула, но мне стало не по себе. Какие магазины? Нет у меня денег. И как об этом сказать? Я знаю, у них принято, чтобы невеста приносила с собой приданое: там и одежда, и обувь, и техника. Все, что пригодится в новой жизни. Я, которая, приперлась без приданого, еще и в брюках, чувствуя себя не в своей тарелке.

Черт, что же делать...?

– Приготовим обед, и я попрошу Алихана отвести нас. Может сразу в торговый центре поедем, чтобы время не терять?

Вот так, не успев принять собственную судьбу, я стала невестой в уважаемой семье. Когда меня попросили нарезать овощи к столу, меня в очередной раз прошибло холодным потом. Я ведь особо и не готовила никогда. Моя работа требует постоянно быть на ходу, вот и обходилась фастфудом или заказами на дом.

Кому охота готовить, вернувшись после десятичасовой работы в одинокую квартиру, где даже не с кем поделиться этой пищей?

А сейчас идеальный шанс показать себя свекрови с плохой стороны. Не хозяйственной.

– Давай, помогу, – Элина не спрашивает, а вежливо берет из моих рук нож с доской.

Она быстро нарезает овощную закуску, пока свекровь не видит. Для меня так странно называть абсолютно чужую женщину своей свекровью. Ну да, свекрови всегда как бы чужие женщины, но я же вообще не планировала замуж! А теперь у меня есть обязательства перед родом мужа. Интересно, как они отреагируют, когда мы разойдемся к концу года? И что скажет Алихан?

Наверное, то, что он попробовал создать семью и ему не понравилось. Тогда может родители оставят его в покое. Впрочем, не буду себе мозги компостировать заранее. Подумаю об этом, когда придет время.

Обед прошел в теплом кругу семьи Сайдулаевых. Было уютно и неловко одновременно. Непривычно видеть такую гармонию в семье. Наша исчезла уже очень давно. Отец рано умер, мать заболела на нервной почве, а брата, который поехал на заработки для оплаты ее лечения, посадили в тюрьму из-за неосторожной драки, которая закончилась летальным исходом одного из участников.

Поэтому я всегда была сама себе предоставлена. Сама готовила, сама убирала, сама составляла себе график дня. Ни у кого не отпрашивалась, ни перед кем не отчитывалась. Так даже проще. Ты сама себе хозяйка.

У моего мужа три брата и ни одной сестры! Очередной плюс в мою сторону, потому что с мужчинами не придется много контактировать и никто меня не раскусит.

– Амаль нужно купить одежду на сегодняшний вечер. Отвезешь нас в ТЦ? – спрашивает свекровь у сына.

– Отвезу, если не будете три часа собираться. У меня встреча с другом.

– А мы не будем наряжаться. Помоем посуду и сразу на выход. Давайте, девочки, – свекровь оперативно начала собирать грязную посуду со стола.

– Жду вас в машине, – бросил Алихан и вышел.

Свекровь торопила нас, поэтому вышли мы быстро. Только я открыла заднюю дверь «мерседеса», как прилетел голос Сайдулаева:

– Амаль, садись вперед.

Непонимающе уставилась на него и перевела взгляд на свекровь с Элиной.

– Сынок, ты боишься, что мы не поместимся втроем?

– Я хочу, чтобы моя жена сидела рядом со мной. Есть еще вопросы?

Боже, зачем он так сказал? Я сразу залилась краской. Элина заговорщически подмигнула мне и юркнула в салон рядом со свекровью, а я... как Алихан и велел, села вперед. Рядом с мужем.

Гм. Муж. Так странно звучит. Наверное, я не скоро привыкну называть этого человека своим мужем. Лучше, скорее, вообще не привыкать. Все равно мы разойдемся через год. Зачем излишне привыкать к нему?

– Сынок, тут какие-то документы. Наверное, что-то с работы, – говорит свекровь, протягивая... наш брачный договор.

Глава 23

Я вытягиваюсь, чтобы забрать документ прежде, чем кто-либо успеет прочитать заголовок. Алихан вероятнее всего забыл, вчерашняя ночь выдалась непростой.

Он паркуется в подземном гараже торгового центра, однойрукой одновременно что-то печатая в своем телефоне.

– Как закончим - позвоним, – выходит свекровь с Элиной.

Я открываю дверь следом.

– Подожди.

Свекровь с Элиной уже поднимаются на эскалаторе. Алихан достает из портмоне банковскую карту и протягивает мне.

– Купи всё, что нужно.

– У меня есть наличные, но спасибо за предложение, – улыбаюсь я и хочу выйти из машины, как мою левую руку перехватывают.

Алихан склонился надо мной, не позволяя сдвинуться с места.

– Моя жена должна меня слушаться, Амаль. Возьми карту и купи все, что душа пожелает. Не хочу, чтобы ты в чём-либо нуждалась.

Сглатываю, резко вставший в горле, тугой, болезненный ком. Я чудом сдержалась, чтобы не разрыдаться в его руках. Снова. Вот опять повторяется это паршивое чувство... Обо мне никто не заботился, как этот мужчина, который, по сути, мне никто. Просто фиктивный муж. Разумеется, невестка Сайдулаевых должна выглядеть хорошо, следовательно, он и дал мне карту, чтобы я купила нормальные брендовые вещи.

– Не забудь про платки, – бросает он вдогонку, когда я уже вышла.

– П-платки? – наклоняюсь к опущенному окну.

– Знаю, что у вас это необязательно, но наши замужние женщины носят платок на голове.

Платок... Он серьезно сейчас? Неужели без этого никак? Ладно, брюки еще понимаю, но куда я без своей укладки? Меня и так все подписчики жаждали, пишут почему нет свежих публикаций, куда пропала. Вот если появляюсь к ним в эфире с платком на голове... ой, мамочки.

– Алихан, я... не хочу так, – мотаю головой, понимая какой ответ последует.

– Надо, Амаль. Хотя бы перед родственниками.

– И все? На улицу в нем выходить не нужно? Только перед твоими?

Он почему-то не отвечает. Смотрит на меня пристально-долго и отводит взгляд говоря:
– Потом поговорим. Тебя ждут, иди.

Подавляю разочарованный вздох, поднимаюсь на первый этаж ТЦ под цепким взглядом Сайдулаева.

Надо же, он все просчитывает наперед. И как у него голова выдерживает такой нагрузки? Это ж надо всегда о чем-то думать, быть начеку. Ну, он бизнесмен, который придумал классный проект эко-отелей, естественно, Алихан - умный мужчина.

Так я оказалась с его картой в руках в компании двух женщин: суровой свекрови и молчаливой, осторожной Элины. Мы пошли в один из бутиков, где пахнет роскошью и холодным парфюмом. Фатима сразу взяла инициативу в свои руки. Её опытный и безжалостный взгляд выхватывал платья с вешалок, отметал то, что, по её мнению, выглядит слишком скромно или не подойдет к моей светлой коже.

– Надо отдать должное, невестки у меня красавицы, – улыбнулась она, перебирая вещи.

Мы с Элиной переглянулись и хихикнули. Значит, где-то под слоем строгости у этой женщины скрывается мягкость. Мы прошерстили весь бутик, выбирая все, что попадется под руку как «подходящее». Свекровь тут же примеряла к ним туфли и платки, будь они неладны. Собрав все на отдельном рейле, она протянула мне два платья – оба из плотного, дорогого хлопка, элегантные, но... французской длины. То есть чуть ниже колена.

У меня внутри всё сжалось в ледяной комок.

– Я... я бы хотела что-нибудь длинное. В пол, – проговорила я, едва слышно.

Фатима мягко, но непреклонно покачала головой.

– Нет, дочка. У тебя рост невысокий. Длинное платье тебя «съест», сделает меньше. Эти – в самый раз. Иди, примерь.

Элина молча смотрит, как я взяла платья, как повешенная, и поплелась в примерочную. Перед зеркалом я замерла, глядя на своё отражение в жакете и брюках. Мысль надеть что-то, что откроет ноги, вызывает приступ чистой, животной паники. Старая, глубокая рана, о которой я никому не рассказывала, заныла с новой силой.

И тут в зале раздался знакомый спокойный голос.

– Ну как, нашли что-нибудь?

Алихан. Он зашёл в магазин. Видимо, встреча с другом закончилась. Мы так долго выбирали вещи.

Свекровь тут же начала ворчать, сбрасывая на меня раздражение:

– Твоя «жена» отказывается примерять. Уперлась.

Алихан посмотрел на меня. Не на мать, а на меня, кивнул в сторону дальнего угла магазина.

– Пойдём.

Он отвёл меня за стойку с аксессуарами, подальше от любопытных взглядов. Его близость, как всегда, ощущается одновременно пугающей, и успокаивающей.

– В чём дело, Амаль? – спросил он тихо. – Платья не нравятся?

Я опустила голову, цепляясь пальцами друг за друга. Стыд жжёт щёки.

– Нет... они красивые. Просто... я не ношу такое. Короткое.

– Короткое? Почему?

Его вопрос звучит без осуждений. Понимаю, что эти платья нельзя назвать короткими, но для меня надеть их, означает переосилить себя.

Слова застревают в горле, но под его спокойным, выжидающим взглядом они пошли наружу, тихим, сбивчивым потоком.

– Когда я была подростком... мама много лежала в больницах. Я жила у тёти. Она... она всегда говорила, что у меня... кривые ноги. Что они некрасивые. Что мне нужно их прятать.

Особенно после того, как мама купила мне короткую джинсовую юбку... тётя сказала, что я выгляжу в ней уродливо. С тех пор... только брюки. Чтобы никто не видел.

Я выдохнула, чувствуя, как от этого признания становится и легче, и в тысячу раз уязвимее.

Алихан не сказал ничего сразу. Он просто смотрит на меня, словно пытается что-то разгадать. Потом его взгляд опустился на мои ноги, скрытые брюками, всего на секунду, и снова поднялся к моему лицу.

– Эта твоя тётя, – произносит он ровно, но я улавливаю отдаленные отголоски злости, – скорее всего, говорила так из зависти. Или из собственной глупости.

Я горько усмехнулась.

– Ты не можешь этого знать.

– Знаю. Потому что я вижу тебя. И у тебя красивые ноги. Стройные. Тебе нечего их стыдиться.

От его слов, сказанных как само собой разумеющееся, без намёка на лесть, у меня перехватило дыхание. Откуда он знает, что у меня стройные ноги? Он просто успокаивает меня, не так ли?

– Но если тебе некомфортно, – продолжил он, – мы купим то, что ты захочешь. Длинное платье, хиджаб, кольчугу – что угодно. Это твой выбор. Но... – Сайдулаев делает маленькую паузу, – попробуй примерить то, что выбрала мать. Хотя бы одно. Если не понравится – выберем и купим другое. Договорились?

В его тоне совершенно нет давления. Именно поэтому я заворожено киваю, чувствуя внутри странную веру в то, что он сказал и сама не понимая, почему он так уверен в том, что мои ноги красивые. Он же ни разу не видел их без одежды.

Я посмотрела на платье в своей руке, потом на его тёмные, спокойные глаза и вернулась в примерочную. Набрала воздуха и надела первое платье. Нежно-розовое, облегающее на груди и талии, с коротким рукавом. Оно заканчивалось чуть ниже колен. Я медленно повернулась к зеркалу, боясь поднять взгляд.

И увидела... просто себя. Девушку в элегантном платье. Ноги... ноги обычные. Не кривые. Не уродливые, как кричала мне тетя. Слёзы благодарности и освобождения подступили к глазам. Это не просто восторг. Это падение тяжёлой, невидимой цепи, которую я таскала на себе годами. Всего пара ласковых слов от мужчины, которого я не знаю, и я чувствую заряд бодрости.

Как это вообще работает? Уверена я так расплываюсь, лишь потому что в моей жизни, рядом со мной, было мало честных людей.

Я выхожу из примерочной, свекровь что-то оценивающе хмыкнула, но в её взгляде мелькнуло заветное одобрение. Элина тихо улыбнулась. Алихан, стоящий в стороне, просто встречает мой взгляд и едва заметно кивает, как будто говоря: «Я же сказал».

В тот вечер, в платье французской длины, с нервно сжатыми в кулаки ладонями, и аккуратно завязанном платке, я вышла к гостям Сайдулаевых. Страх никуда не делся, но под тканью платья я чувствовала лёгкость, которой не знала много лет. И знала, что хоть один человек в этом зале видит меня не уродливой племянницей, а просто... мной. Просто Амаль.

Когда все закончилось, мы пошли спать на верхний этаж. Я все пальцы себе искусала от волнения перед тем, что придется делить одну комнату с мужчиной.

Стою посреди спальни Алихана и угрюмо смотрю на большую кровать. Теоретически, мы поместимся и даже не заденем друг друга. А практически...

Сзади хлопает дверь.

А вот и практика подросла.

Глава 24

Волнительно смотрю на вошедшего Алихана, и не могу перестать думать о том, что мы всё-таки вынуждены спать вместе. Может он возьмет одеяло с подушкой и плавно переместится на пол? Или может самой так и сделать, с чего это я буду хозяйина из собственной постели выгонять?

– Все легли спать.

Говорит он, медленными шагами, я бы даже сказала осторожными, приближаясь ко мне. Я мямлю что-то вроде «угу», заливаясь жаром. Он встаёт рядом и также, как и я смотрит на кровать.

– А ты почему еще не в постели?

Я только гуще краснею.

– Не знала, где мне лечь...

– Можешь лечь тут. Я возьму одежду и пойду в другую комнату.

Алихан подходит к шкафу, достает оттуда штаны с футболкой.

– Стой. Нельзя же так. Заподозрят что-то. Сам сказал, нужно роль играть. Давай, я лучше на полу лягу, а ты в своей кровати?

Мужчина смеется. Смотрит на меня и легко смеется.

– Вижу ты вообще не любишь нарушать условности.

– Ни разу! - честно ответила я. – Сотрудничество со мной всегда завершается на благоприятной ноте, – улыбаюсь в ответ, но Алихан отчего-то мрачнеет.

Вот эта сладкая улыбка на его лице исчезает, возвращая сердитый вид.

– Сотрудничество, – повторяет он странным голосом, будто передразнивает и уходит из спальни.

Значит, всё-таки будет спать в другой комнате?

Я надеваю новую пижаму, купленную сегодня, и ложусь спать.

...

Мое утро в новом доме началось с паники. Я проснулась от вибрации телефона – напоминание от менеджера по рекламе:

«Съёмка в 12:00, не опаздывай!».

В суматохе последних дней у меня совершенно вылетело из головы про важную съемку, где я снимаюсь моделью. Договор подписан заранее, деньги, на которые я так рассчитывала уже потрачены.

Сердце заколотилось. Алихана нет в комнате. Я спала как убитая, так что даже не поняла бы, если бы он зашел. Вскочила с кровати, наспех надела тот самый серый брючный костюм, в котором приехала сюда. Благодаря заботам Элины он лежит на стуле, чистый и выглаженный. Быстро собрала волосы в хвост, схватила сумку с телефоном и, не думая, вылетела из комнаты.

Внизу, в просторной столовой с видом на красивый двор, идет неспешный семейный завтрак. За большим деревянным столом сидят все: Алихан, его три брата (включая сурового Анзора), Элина и свекры. Запах свежего хлеба, сыра и травяного чая витает в воздухе, заставляя рецепторы пускать слюни во рту. Они о чём-то размеренно беседуют. Идиллическая картина, которой в нашей семье никогда не было, и в которую я ворвалась, как ураган.

Все взгляды устремились на меня: на мой деловой, чужеродный костюм, на сумку на руках, на моё взволнованное лицо.

– Доброе утро, – выпалила я, пытаюсь улыбнуться. – Мне... мне срочно нужно на вокзал. До своей республики. У меня съёмки, рекламный контракт. Я... я всё объясню позже!

Я даже не стала садиться, просто махнула рукой и бросилась к выходу, чувствуя, как на спине горят десятки глаз, возможно, недоуменных, осуждающих, изучающих. Обуваясь в свои туфли, я услышала, как мать Алихана что-то резко сказала, но слов на их языке я не разобрала. Мне пока что всё равно. Нужно успеть на автобус, благо ехать недолго, всего два часа. Но сначала доехать бы в город до вокзала.

Я выскочила из дома, побежала по каменной дорожке к воротам, уже доставая телефон, чтобы вызвать такси. И вдруг сильная рука схватила меня за локоть, развернула и буквально потащила в сторону, за высокий каменный забор, в тень гаража.

– Амаль!

Я вздрогнула от громкого голоса и подняла глаза на Алихана. Он прижал меня к стене, стоя передо мной с темным лицом от сдержанного гнева. На нём домашняя одежда, он явно выскочил из-за стола вслед за мной.

– Ты что творишь? – выдохнул он сквозь зубы, не выпуская моего локтя. Его пальцы жгли кожу даже через ткань пиджака.

– Я... у меня работа! – попыталась вырваться я. – Съёмка! Я же сказала! Я должна быть там через три часа!

– Ты должна быть здесь! – он повышает голос. – Ты сейчас не просто Амаль-блогер. Ты – Амаль Сайдулаева. Моя жена. Ты не можешь просто так сорваться и уехать в другую республику, даже не обсудив это со мной!

– Но это же моя работа! – в моем голосе зазвенели слёзы от бессилия и паники. – Мне платят деньги! Если я сорву, мне больше никогда не предложат ничего стоящего! Это мои деньги, Алихан! Моя независимость!

Он сжал губы, его взгляд стал ещё тяжелее.

– Твоя независимость сейчас упирается в другие вещи. Ты только вчера была представлена семье. Весь род теперь знает, что я привёл жену. А сегодня утром моя жена в брюках, с сумкой через плечо, срывается с места и уезжает «по работе» в неизвестном направлении. Что, по-твоему, подумают люди? Что скажут в семье?

До меня наконец начало доходить. Они воспринимают это не как простой отъезд, а как жест неповиновения, чуждости, неуважения к укладу, в который я только что вписалась. Для них это скандал. Для меня – спасение карьеры.

– Но что мне делать? – прошептала я, дрожащим голосом. – Я не могу всё бросить. Это же моя жизнь.

Алихан на секунду закрыл глаза, будто собираясь с мыслями. Когда он снова посмотрел на меня, гнев в его глазах сменился жёсткой решимостью.

– Позвони своему менеджеру. Скажи, что переносишь съёмку. На завтра или послезавтра, не важно. Скажи, что возникли непредвиденные семейные обстоятельства.

– Они не пойдут на это! Место в студии, команда...

– Пойдут, – перебил он меня низким, властным голосом, тем самым, который решал вопросы с ЗАГСом и тюрьмой. – Дай мне номер. Я позвоню, всё улажу.

Я смотрю на этого могущественного, незнакомого мужчину, который за несколько дней перевернул мою жизнь с ног на голову и теперь диктует, где мне работать и когда, чувствуя, как возмущение борется с облегчением. Облегчением от того, что кто-то может решить эту проблему и страхом от того, насколько глубоко он теперь может вмешиваться в мою жизнь.

– А как же... моя независимость? – тихо спросила я.

Он испустил раздраженный вздох, и его рука на моём локте, наконец, ослабила хватку, но не отпустила до конца.

– Твоя независимость никуда не денется, Амаль. Но сейчас тебе нужно научиться ходить по новой земле. Не бегом. Не сломя голову. А осторожно. Чтобы не споткнуться и не упасть. Поняла?

Я кивнула под его тяжёлым взглядом. Он прав во всём. Я сорвалась с места, как испуганный зверь, думая только о своём уцелевшем мирке, забыв, что теперь за мной тянется длинная тень семьи Сайдулаевых и их правил. Но внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел отчаяния.

– Алихан, – голос срывается на шёпот. – Я понимаю. Я виновата. Я не подумала. Но... я уже взяла аванс за эту съёмку и ... потратила его. Часть – на лекарства маме, часть – на адвоката Муслиму. Если я сейчас сорву, мне не только работу потерять придется, но и возвращать деньги. А их у меня нет. Прости... прости за эту спешку. Позволь мне просто закончить это. Один раз. И всё.

Я смотрю на него, умоляя взглядом. Вижу, как в его глазах борются раздражение, понимание и то самое железное чувство долга, которое, кажется, управляет всей его жизнью.

– На автобусе ты никуда не поедешь, – отрезал он. – Это долго и небезопасно. А у меня сегодня презентация, я не могу тебя везти.

– Я могу на такси! – выпалила я, но тут же поняла наивность своих слов. Такси на такое расстояние – целое состояние.

Алихан покачал головой, и в его взгляде появилась твердость, которую я уже научилась бояться. Казалось, он вот-вот прикажет мне идти домой и забыть о съёмках.

Отчаяние придало мне смелости. Я сделала шаг вперёд, почти касаясь его.

– Обещаю, после этой съёмки я всё отменю. Все ближайшие контракты в моём регионе. Переключусь на работу здесь. Создам контент о твоей республике. Это же даже... даже может быть полезно для твоего имиджа. Но мне нужно закрыть этот долг. Пожалуйста. Пожалуйста, Алихан.

Я произношу его имя так, как никогда раньше – не как формальность, а как просьбу, как последнюю надежду. Мои глаза, наверное, стали огромными от страха и мольбы.

С минуту он молча смотрит на меня долго-долго, потом тяжело вздыхает, и что-то в его строгой осанке дрогнуло, смягчилось.

– Хорошо. Но не на такси. Я отменю утренние встречи, сам отвезу тебя.

– Что? Нет, ты же сказал, у тебя презентация...

– Перенесу, – перебил он меня просто, как будто речь идет не о крупном бизнесе, а о походе в магазин. – Собирайся. Быстро. Но не в этом, – неодобрительно кивнул на мой костюм. – Надень платье и позавтракай. Не выходи больше на голодный желудок. Ты же девочка! Тебе нужно беречь свое здоровье.

Сайдулаев развернулся и пошёл к дому, чтобы, видимо, одеться и переносить свои дела. Я остаюсь у стены, ошеломлённая, с калейдоскопом чувств внутри: диким облегчением, щемящей благодарностью и новым, острым чувством вины. Он жертвует своими делами из-за моей непредусмотрительности. Мой муж-страж, который только что спас меня от профессионального провала и одновременно показал, где находятся границы моей новой, купленной свободы.

Через пятнадцать минут, как и приказал, я вышла в повседневном платье из шифона. Без платка. Машина Алихана уже ждет у ворот. Я тихо сажусь рядом. Он мельком взглянул на меня, не прерывая разговора по телефону, и тронулся с места. Мы выехали за ворота и взяли курс на трассу, ведущую из его гор в мои равнины.

На мой телефон приходит звонок, отвлекая Алихана от дороги. Я улыбаюсь, читая имя на дисплее.

– Да, милый. Я слушаю.

Глава 25

Голос парня по телефону звучит взволнованно, сопровождаемый быстрой речью.

– Что случилось? Корм закончился? Извини, Эльдар, мне пришлось срочно уехать. Давай я оплачу онлайн, и ты заберешь из магазина? Идет? Хорошо. Пока, мой сладкий, береги себя.

Завершаю вызов с легкой улыбкой на губах и не сразу понимаю, что машина притормозила у обочины.

Разворачиваюсь к Алихану недоуменно.

– В чём дело?

Он странно дышит. Тяжело и очень медленно. Ему что, плохо?

– Ты скажи мне, Амаль, – цедит он резким тоном. – Что это такое? У тебя оказывается есть парень, а я не знал?

Парень? Какой еще... Я вздыхаю, сообразив, что к чему и заливаюсь смехом. Просто до слёз.

– Ну, ты даешь!

Пихаю оторопелого мужчину локтем, продолжаю смеяться. Алихану, впрочем, вообще не смешно, судя по мрачному выражению лица. Нахожу в себе силы успокоиться, смахиваю слезу и спокойно объясню, хотя смех так и норовит снова вылететь:

– Эльдар – мой двоюродный брат. Ну, сын той самой тети.

– Почему он звонил тебе?! – по искрящимся медовым глазам видно, что не верит мне. – И что за слова такие «милый», «сладкий»? Сколько ему лет?

– Ему только десять, – спокойно продолжаю я, почему-то чувствуя странное удовлетворение от его реакции. – Мы обычно вместе кормим кошек во дворе, вот он и звонил.

Алихан вздыхает, возвращая руки на руль. Странная реакция, конечно. Да был бы парень, что с того? Разве я нарушила его контракт? Нет. Так чего рычит на меня, теряя всякое самообладание. На моей земле мы можем не притворяться мужем и женой.

Дорога заняла несколько часов. Мы почти не разговаривали остаток пути: он был погружён в свои мысли или в звонки; я смотрела в окно, пытаюсь осмыслить этот сюрреалистичный день. Муж, которого я почти не знаю, везёт меня на мою же работу, чтобы я могла отработать долг, потому что его новая жена, оказалась недальновидной и безденежной.

Подъезжая к студии, он первым нарушил молчание:

– Сколько продлится?

– Четыре, максимум пять часов, – быстро отвечаю, хватая сумку.

Я увидела знакомую вывеску и почувствовала прилив привычного, рабочего адреналина, смешанного теперь с новой нервозностью.

– Хорошо. Я буду ждать здесь. – он указывает на парковку у соседнего кафе. – Когда закончишь, позвони.

– Ты... ты не хочешь зайти? – робко предложила я.

Он посмотрел на меня, и в уголке его губ дрогнуло что-то, похожее на беззлобную усмешку.

– Нет. Твоя работа – твоя территория. Я просто подвез. Иди. Не опаздывай.

– Спасибо, – тихо проговорила я, пряча смущенный взгляд. – За то, что... понимаешь. И за то, что отвез.

Он бросил на меня быстрый взгляд, потом снова уставился в окно.

– Не за что. Это... логично. Ты решила проблему, предложив компромисс. Я его принял. Всё просто.

Всё просто. Для него, возможно, так и есть. Чистая логика сделки. Но для меня в этом жесте кроется нечто большее. Что-то, что не укладывается в сухие строки контракта.

– Я правда отменю все остальные съёмки, – пообещала я снова, будто боялась, что он передумает. – И займусь контентом там. Мне... мне нужно будет разрешение, наверное, на съёмки в городе, на интервью с людьми...

– Обсудим, – коротко отвечает Алихан. – Сначала закончи с этим.

Я выхожу из машины, чувствуя себя странно: одновременно под колпаком и... под защитой. Он будет ждать меня. Перенёс свои дела, позволил мне приехать. Не как муж, требующий подчинения, а как... партнёр, который берёт на себя последствия твоих ошибок, чтобы дать тебе шанс их исправить. Впервые за эти сумасшедшие дни я почувствовала не только груз этого брака, но и его призрачную, странную опору.

Глава 26

Алихан

Четыре часа. Пять. Шесть. Я сидел в машине, уткнувшись в планшет, отвечая на письма, проводя созвоны через наушники. Работа кипела, но фоном постоянно гудела мысль: «Я здесь, как личный водитель. Из-за её аванса. Из-за её долга».

Тихое и едкое раздражение копилось с каждым пройденным часом. Я отменил все встречи, перенёс важную презентацию, и всё ради чего? Чтобы она могла отработать деньги, которые уже потратила. Логично? Да. Но от этого не становилось удобнее.

Я бы мог без проблем возместить ущерб за сорванные съемки, настоять на том, чтобы Амаль сегодня осталась дома принимать гостей в честь нашего бракосочетания. Мог бы. Но не стал. Зачем начинать семейную жизнь сразу с ссоры?

Я просто злился на неудобства. На потраченный день. На себя за то, что позволил этой ситуации случиться, за то, что не проконтролировал её финансы сразу. Но больше всего за то, что сижу здесь, с затекшей спиной, вместо того чтобы быть там, где должен был быть по плану.

Я терплю, стиснув зубы, потому что дал слово, потому что она смотрела на меня такими глазами, что отказать было невозможно.

Этими кристальными голубыми глазами, посмотрев в которых теряешь связь с реальностью.

Взглянув на часы, я хмыкнул про себя. Уже вечер. Глубокий вечер. Она сказала «максимум пять часов». Прошло семь. Что-то пошло не так? Или она просто заигралась в свою «работу»?

Раздражение, подогретое беспокойством, заставило меня выйти из машины. А еще я зверски проголодался. Не обедал, потому что ждал, что она спустится и мы перекусим вместе. Куда там! Амаль питается одним воздухом!

Я вошёл в здание студии, миновал пустой ресепшн и пошёл на звук голосов и яркого света. Дверь в съёмочный павильон была приоткрыта и заглянув внутрь, я замер столбом.

Сердце пропустило удар, потом забилося с бешеной силой.

Амаль. Моя Амаль стоит в центре залитой светом площадки. В свадебном платье. Не в пышном, как торт, а изящном, современном из струящейся ткани, с открытыми плечами и вырезом в декольте, демонстрирующий тонкие ключица.

Черт, Алихан...

Знал бы, что она будет сниматься в таком, не пустил бы. Ну, какие открытые плечи у моей жены? И куда это попадет, в сеть?

Она прекрасна. Платье облегает маленькую стройную фигуру, переливаясь под софитами, как самая ценная жемчужина в море. В золотистых волосах невесомый фатин, похожий на облако. Она улыбается в объектив камеры, и эта улыбка не похожа на ту, что я видел в её блоге. Она... задумчивая. Мягкая. Почти мечтательная.

И в этот момент меня накрыло волной такого острого, такого горького сожаления, что я едва не ударил кулаком об дверной косяк.

У неё не было этого. Никакой церемонии. Ни красивого ресторана. Ни толпы гостей. Ни этого платья. Ни счастливых фотографий.

Я забрал её из кошмара и втолкнул в другую реальность по сухому, бездушному контракту. Подписали бумаги в кабинете, прочитали никах в полупустой мечети и всё. Я лишил её всего этого. Лишил права быть невестой по-настоящему.

Я стою на пороге, не в силах пошевелиться, и коря себя за спешку, за прагматизм. За то, что в погоне за своим желанием быть рядом с ней, украл у неё один из самых важных дней в жизни девушки.

Да, это всего лишь фиктивный брак. Но она всё равно девушка. Амаль заслуживает белого платья, пусть даже ненастоящего. А получила только серый брючный костюм и штамп в паспорт.

В какой-то момент она, повинаясь указаниям девушки-фотографа (иначе глаза бы выколол), повернула голову. Её взгляд медленно скользнул по залу и наткнулся на меня, застывшего в дверях.

Её глаза – эти невероятные, голубые глаза – расширились от удивления. Потом в них мелькнуло что-то смущённое, будто она поймала себя на чём-то недозволенном. Но почти сразу смущение растворилось и она... улыбнулась. Не в камеру. Мне.

Мне улыбнулась, черт возьми.

Простая, чуть усталая, но искренняя улыбка. Та, что тронула уголки персиковых губ и осветила всё её лицо изнутри. Та, что заставила моё сердце, только что сжавшееся от боли и вины, дрогнуть и сделать ещё один, безумный кульбит в груди.

Она мне нравится. Безнадёжно, безрассудно, как мальчишке. Этот год наблюдений из тени не прошёл даром. Он превратился в бурю, которую я теперь ношу в себе, скрывая за маской делового партнёра и строгого мужа.

Я киваю ей в ответ, стараясь, чтобы на моём лице не отразилось ни капли того урагана, что бушует внутри.

Поднял руку, показывая на часы, будто спрашивая: «Сколько ещё?». Она что-то говорит фотографу, который не замечает меня, и та кивает, настраивая фотоаппарат. Амаль бежит ко мне, слегка подбирая полы платья.

– Прости, задержались! Свет ловили. Всё, почти закончили. Осталось несколько кадров.

Она стоит так близко, пахнущая цветочным парфюмом гримёрки и чем-то своим, нежным. В этом платье она кажется хрупкой фарфоровой статуэткой. Хотя и так сама маленькая, худая.

Искушение протянуть руку, дотронуться до ее оголенного плеча, провести губами по выступающим и мерцающим каким-то блеском ключицам, ощущается почти физическим.

У меня темнеет в глазах. Снова это чертово желание. Опомнись, Алихан, ничего тебе не светит! Это фикция, ясно?

– Ничего, – выдавил я, и голос прозвучал предательски хрипло. – Тебе очень идёт.

Она покраснела, опустив глаза на платье.

– Спасибо. Снимаем для свадебного салона.

Я просто кивнул, но внутри кричит что-то другое. Это могло бы быть не «просто работой». Это мог бы быть твой день, моя Амаль.

– Я скоро, – пообещала она и, бросив на меня ещё один быстрый взгляд, побежала обратно к свету.

Я остался в дверях, наблюдая, как она снова превращается в образ из журнала. Но теперь я вижу не просто красивую картинку. Я вижу то, чего её лишил и даю себе слово. Пусть наш брак фиктивный. Пусть он начался с контракта и спасения от беды, но я найду способ.

Найду способ дать ей хоть часть того, что она заслуживает, хоть тень той сказки, в которую должна была поверить каждая девушка в день своей свадьбы.

Даже если эта сказка будет только для нас двоих. И даже если она никогда не узнает, что для меня она уже давно не сказка, а единственная, мучительная и прекрасная реальность.

Фотограф о чем-то шепчется с Амаль, недовольно косясь на меня.

– Извините, – обращаются ко мне. – У нас закрытая съемка, вы не могли бы выйти?

Я скептически приподнимаю бровь.

– Лаура, все в порядке. Он..., – Амаль неуверенно смотрит на меня будто не знает что ответить.

Ну же, девочка. Скажи ей, кто я?

Глава 27

Амаль

Я на секунду замерла, пытаюсь найти нужные слова в вихре мыслей. Пальцами нервно терплю край платья, а взгляд мечется между Сайдулаевым и фотографом.

– Он... – я запнулась, но тут же выпрямилась, будто приняла какое-то решение. – Он со мной.

Фотограф удивлённо приподняла брови, но тут же натянула профессиональную улыбку:

– Простите, не знала. Конечно, вы можете остаться.

Я бросила на Алихана короткий взгляд, будто сама не верю, что произнесла это вслух.

Возвращаясь к позированию, но теперь мои движения стали чуть более нервными, потому что я всё ещё ощущаю на себе *его* взгляд. Алихан прислонился к стене, скрестив руки на груди, и наблюдает за мной.

Я повернулась к камере, но в этот раз моя улыбка вышла не такой уверенной. Я чувствую... это странное, пульсирующее напряжение между нами, которое нельзя игнорировать. Каждый раз, когда я случайно ловлю его взгляд, мои щёки вспыхивают.

Фотограф что-то говорит о свете, о ракурсах, но я почти не слушаю.

– Последний кадр! – объявила она, и я глубоко вздохнула, снова превращаясь в ту самую девушку с обложки.

Когда съёмка, наконец, закончилась, я неспешно подошла к мужчине. Эти его медовые глаза... почему так смотрят на меня? Я склонна думать, что это свет так падает, и потому мне видятся на дне загорелись искорки...

– Спасибо, что остался, – прошептала я.

Лаура, уже складывая оборудование, вдруг замерла и обернулась к нам:

– Пойдите! Амаль, у меня возникла мысль. Для каталога свадебного салона не хватает парных кадров. Только не классических портретов – это будет слишком очевидно. Давайте сделаем акцент на деталях: руки, силуэты, тени... Ничего откровенного, ничего, что раскроет ваши лица. Просто намёк на пару.

Я вопросительно посмотрела на Алихана, слегка приподняв брови.

– Это для раздела «Вдохновение», – поспешила пояснить Лаура, заинтересованная идеей. – Лёгкие, атмосферные снимки: переплетённые пальцы, отражение в зеркале, тень от двух фигур... Ничего личного, обещаю. Но это добавит каталогу глубины.

Я медлю с ответом, чувствуя, как внутри разгорается противоречивое желание, затем тихо спрашиваю у него, не отрывая взгляда от пола:

– Ты... не против?

Голос прозвучал едва слышно, будто я боюсь услышать отказ. Алихан сделал шаг вперёд и кивнул:

– Давай попробуем.

Фотограф оживлённо захлопала в ладоши:

– Отлично! Тогда сначала – руки. Представьте, что вы просто идёте вместе. Ничего нарочитого, просто естественность.

Алихан решительно протянула мне свою ладонь. Мои пальцы дрожат, когда я осторожно вкладываю свою. Тепло его кожи пронзило меня, словно электрический ток, стараюсь не смотреть ему в глаза, но чувствую, как его взгляд скользит по моему лицу.

Я помнила, как эти руки подписывали документы о нашем браке – без эмоций, чётко, по делу. А теперь они держат мою ладонь так, будто имеют на это право. Может... имеют?

Так неловко.

– Прекрасно! – воскликнула Лаура. – Теперь чуть ближе друг к другу. Пусть тень от ваших фигур сольётся в одну.

Мы сдвинулись, и наши плечи соприкоснулись. Фотограф щёлкает затвором, комментируя:

– Да, вот так... Теперь повернитесь боком. Пусть свет падает на ваши силуэты.

Девушка направляет нас к окну, расставляет, как манекены. Моё дыхание участилось, и я поймала себя на том, что невольно синхронизирую своё с ним, стараясь не нарушить эту хрупкую близость.

– Замечательно! – продолжает Лаура. – А теперь, взгляд друг на друга. Только на секунду. Пусть это будет взгляд, полный смысла, но без слов.

Я подняла глаза и утонула. В взгляде Алихана слишком много. Слишком. В его зрачках отражается закатный свет, превращая их в два расплавленных янтаря. Ну, как медовые соты, реально.

Я хотела отвести взгляд, но не смогла.

Глупое сердце, не смей в него влюбляться.

Забыла, что вокруг нас студия, фотоаппарат, чужие глаза. Проникаюсь только в этот миг, когда Алихан смотрит на меня с такой глубиной, в которой тонут все мои страхи и сомнения.

Он просто устал. Всё это – спектакль, груз, который он несёт. И этот взгляд... не для меня. Это просто отражение заката. Просто усталость.

Но почему тогда сердце забилось так, словно пыталось вырваться из клетки? Почему в груди стало так тепло и так больно одновременно?

Щелчок затвора разорвал эту магию.

– Идеально! – воскликнула фотограф. – Этого хватит. Спасибо вам обоим!

Я отступила, высвобождая руку. Сердце забилось сильнее. Почему-то сейчас, стоя в этой студии, я чувствую, что мы только что сняли не рекламные кадры.

Алихан пробормотал:

– Ну что, готово?

Я кивнула, не поднимая глаз:

– Да. Думаю, да.

А внутри кричало другое, но я запихнула это «другое» поглубже и произнесла:

– Алихан, – я повернулась к нему, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Можешь отвезти меня к маме? Хочу её навестить... и рассказать о нас.

Он кивнул без колебаний:

– Конечно. Поехали.

Глава 28

В машине я всё перебирала в голове слова, которые скажу. Как объяснить маме про этот фиктивный брак? Как не заставить её волноваться ещё сильнее с её-то диагнозом?

– Ты уверена, что хочешь это сделать? – тихо спросил Алихан, будто почувствовав моё напряжение.

– Да. Она должна знать. Хотя бы частично.

Говорю мужчине адрес и вскоре мы останавливаемся у калитки частной клиники. В такой поздний час обычно никого не пускают, но я плачу хорошие деньги мед.сестре, чтобы докладывала мне всё о состоянии мамы и заводила меня в палату при необходимости.

Мы с Алиханом быстро надеваем бахилы, идём вслед за мед.работницей, которая в очередной раз просит никому не говорить, что впустила нас. По пути я спрашиваю о результатах, убеждаюсь, что всё пока стабильно. Ну, стабильно неплохо и стабильно нехорошо.

Лестничный пролёт, длинный коридор и одиночная мамина палата. Не знаю, возможно, было бы лучше, если бы у мамы была соседка для общения, я просто хотела, чтобы ей было комфортнее.

Мама ещё не спит. Увидев меня через щель в двери, её глаза оживляются, и на лице засияла улыбка.

– Доченька! – она попыталась привстать с кровати, но замерла, увидев рядом со мной Алихана. – А это...?

Я слотнула. Сейчас или никогда. Нечего тянуть.

– Мам, как дела? Приляг удобнее, мне нужно рассказать кое-что важное.

Мне самой становится так страшно, видя тревогу в родных глазах, но я должна это сделать!

– Мам, это Алихан. Мой... муж.

Сайдулаев учтиво кивает и в палате повисла тяжёлая, острая тишина. Мама медленно переводит взгляд с меня на него, потом снова на меня.

– Муж?.. Но как... когда?.. Дочка, я не понимаю...

Я опускаюсь на стул рядом с её кроватью, беру холодную мамину руку в свои.

– Это... фиктивный брак, мам. Временный. Мы заключили его по договорённости. Для него это нужно, чтобы успокоить семью, а мне... мне нужно помочь тебе. И брату. Сама знаешь: лечение, адвокат...

Голос предательски дрогнул, но я продолжила:

– Это просто сделка, мам. Ничего настоящего.

Она долго смотрела на меня, потом перевела взгляд на Алихана, который стоит у окна, не вмешиваясь в разговор, словно речь вообще не про него. Только бросает на меня жгучие взгляды, которые я чувствую спиной.

Я кратко пересказываю всё, опуская момент с менеджером Артуром и его угрозами.

– Подойдите ближе, молодой человек, – тихо попросила она, когда я замолчала.

Алихан шагнул к кровати, а у меня внутри всё сжалось. Что она хочет ему сказать?

– Доченька, выйди на минутку, – попросила меня, не отрывая взгляда от Алихана.

Я растерянно кивнула, поднялась и вышла в коридор, плотно прикрыв дверь. Что она ему говорит? О чём спрашивает?

Через несколько минут Алихан вышел с непроницаемым лицом, но в глазах читалось что-то серьёзное, сосредоточенное.

– Нам нужно ехать, – сказал он ровно. – До полуночи надо вернуться домой.

Я кивнула, хотя внутри всё кричит: о чём вы говорили?

– Хорошо.

Вернулась в палату, чтобы попрощаться. Наклонилась, поцеловала маму в щёку.

– Я буду приезжать часто, обещаю. Даже если теперь живу в другом регионе. Мне каждый день присылают отчёт о твоём состоянии, Алихан обещал перевести тебя в лучший центр, а Муслима...

– Амаль, – мама взяла меня за руку, её пальцы слабые, и сама какая-то измождённая, хотя в анализах всё одинаково. – Послушай меня. Этот мужчина... он же влюблён в тебя.

Я замерла на секунду, принимая эти слова и рассмеялась – нервно, неуместно:

– Мам, ну что ты... Это просто фиктивный брак. Мы даже...

– Не перебивай, – она сжала мою руку сильнее. – Я вижу. Мужчина не стал бы делать столько всего ради простой фиктивной жены. Он смотрит на тебя так, как смотрят только на любимую женщину.

Я замотала головой, пытаюсь отмахнуться от её слов, как от наваждения:

– Ты ошибаешься. Мы просто... помогаем друг другу.

Мама закрыла глаза, устало улыбнувшись:

– Время покажет, доченька. Время всегда всё расставляет по местам.

Я ещё раз поцеловала её, пообещала приехать на следующей неделе и вышла в коридор. Алихан ждёт у дверей, глядя в большое окно в коридоре.

– Мы можем ехать.

Он молча кивнул, и мы направились к выходу. А в голове всё звучит мамино: *«Он же влюблён в тебя»*.

И почему-то от этих слов сердце то замирает, то бешено колотится, будто пытается вырваться наружу.

Алихан бы сказал, не так ли? Определенно сказал бы! Да нет же, Амаль! Мы просто два незнакомца, которые свело обстоятельство.

Мы садимся в машину, но Сайдулаев не спешит завести мотор. Он тянется на заднее сидение и в его руках оказывается красивый пакет со знакомым логотипом ювелирных украшений. Шуршание и в большой ладони Алихана лежит маленькая бархатная коробочка. Наверное, купил в подарок кому-то. Может матери, сестры-то у него нет.

Но почему он тогда протягивает его мне?

– Открой.

Слегка подрагивающими пальцами я открываю крышку и замираю от ослепительного блеска бриллиантового кольца. Какая прелесть!

– О-о-о, – тяну восхищенно. – Кто бы его не носила, она будет довольна. Изящно выглядит.

– Тебе нравится?

Киваю, не отнимая взгляда от кольца.

– Очень, Алихан, – широко улыбаюсь ему и хочу протянуть коробочку обратно.

– Тогда надень.

Глава 29

Поднимаю на мужчину удивленный взгляд. Мне не послышалось? Он сказал «надень»?

– Это, наверное, чей-то подарок, точно хочешь, чтобы я его надела?

Уточняю на всякий случай, но его лицо не меняется – он выжидающе смотрит на меня. Взгляд спокойный, но в глубине что-то мерцает.

– Ладно.

Сдаюсь и примеряю кольцо, которое село как родное. Вытягиваю руку, рассматривая как бриллиант красиво блестит в свете приборной панели. У меня никогда не было такого дорогого украшения, потому что всегда стоял выбор либо аренда за квартиру, либо... что-то другое.

Краем глаза замечаю, как Сайдулаев смотрит на мою руку.

На матери Алихана я видела золотой комплект, только сомневаюсь, что женщина носит семнадцатый размер кольца. И все же кому он купил? Может... у него есть девушка? А что? Он сам мне говорил, что «свои» на фиктивный брак не согласятся. Возможно, Алихан с кем-то встречается. С кем-то из своего круга, своей нации.

И почему такие мысли разбивают мне сердце? Даже представлять больно... Просто я вижу в нём своё спасение, потому и не хочу терять этого человека.

– У нас одинаковый размер, – продолжаю шутить, пусть на сердце горько.

Хочу вернуть ему кольцо, как Сайдулаев накрывает мои пальцы своей ладонью. Улыбка мигом сползает с моего лица.

Смотрю на наши переплетённые пальцы и не могу вздохнуть. У него кожа темнее, моя на его фоне кажется почти прозрачной.

– Оно твоё, Амаль. Подарок на свадьбу.

Ч-что?

Поднимаю глаза Мужчина смотрит на меня в упор. Взгляд тяжелый, пронзающий. Так смотрят, когда говорят самую настоящую правду.

– Ты сказал... подарок? Но зачем? Стой, я... нельзя дарить такие дорогие вещи. Я не могу его принять и более того... Зачем, Алихан?

В голове шумит от его близости, от того, как его пальцы всё ещё лежат на моих.

– Так принято. Невеста получает подарки.

– Но я же настоящая невеста...

– Не важно. Ты – моя жена. Это автоматически навязывает некоторые... аспекты. Наша легенда о свадьбе должна звучать правдиво, не так ли?

– Ну-у...

Он убирает руку, и я чувствую потерю. Глупость, конечно. Секунду назад его пальцы касались моих и вот уже холодно. Я незаметно сжимаю ладонь в кулак, пытаюсь удержать это ощущение.

– Значит должно быть кольцо, и ты должна носить его.

– Ладно, – только и отвечаю я, а сама всё равно не понимаю зачем. Да и когда он успел купить?

Здесь, в наших регионах замужних определяют не по кольцу, но Сайдулаев прав, невестам правда дарят украшения.

Я снимаю кольцо с пальца, возвращаю его в коробку и хочу положить уже в сумочку, как вздрагиваю от возмутительного тона мужчины:

– Зачем ты снимаешь, Амаль?

– Вдруг я потеряю...

– Я сказал, что ты должна носить его! Всегда. Дай сюда!

Он вырывает из моих оцепеневших пальцев коробку и сам принимается надевать колечко на мой безымянный палец. Выглядит как сцена из глупой мелодрамы. Только реальность хуже. Алихан так усердно склонился надо мной, не потому что ему нравится это делать. Вон какой сосредоточенный.

Почему каждый раз, когда он касается меня, я не могу перестать думать о его руках? Об этой теплой смуглой коже, скользящей по моей так беспрепятственно, словно в порядке вещей. О том, как выглядели бы эти руки на моей талии, на моих плечах.

Я кашляю, прогоняя неуместные мысли и Алихан возвращается за руль.

– Если бы положила в сумку, забыла бы надеть, а мама должна видеть, что у нас всё серьёзно.

– Да, ты прав... У меня столько всего в голове, что по любому забуду, если не запишу.

Мы разворачиваемся к границе. Ехать около двух часов и за это время я переписываюсь со своим менеджером, переставляю все проекты, которые можно сдвинуть или просто отказываюсь от гонорара, ссылаясь на личные обстоятельства.

Говоря о блоге... Я ведь ещё ни разу не вышла в сеть к подписчикам.

Я неуверенно кошусь на Алихана и говорю:

– Ты не против, если я запишу видео сейчас? Мне нужно выложить в сеть.

– В сеть?

– Мои подписчики волнуются, пишут каждый день, спрашивают, что со мной.

Он бросает на меня... какой-то напряженный взгляд. В нём мелькает что-то похожее на недовольство, но кивает в итоге.

Я чищу горло, приглаживаю волосы и выхожу на камеру с улыбкой.

– Привет, мои дорогие. Вы меня завалили сообщениями! Спасибо за беспокойство, но со мной всё в порядке. Я просто немного... приболела.

Бессовестно вру, от волнения дотрагиваюсь до своих волос свободной рукой.

– Сегодня прошла о-очень красивая съёмка, ждите нереальные фотки! Целую. Пока-а!

Я посылаю воздушный поцелуй в камеру и, с облегчением выдохнув, останавливаю запись.

– Фух... Это было так волнительно, как будто в первый раз.

Алихан, который до этого молча водил машину, лишь изредка бросая на меня непроницаемые взгляды, вдруг нарушает тишину:

– Амаль, ты... собираешься выложить те фотографии на свой профиль?

Я листаю черновые варианты от фотографа на телефоне. Кадры сочные, профессиональные. Я в образе «счастливой невесты». Один кадр, где я смеюсь, откинув голову назад, линия шеи и открытых плеч безупречна. Другой, задумчивый взгляд в окно, свет играет на атласе платья и чуть заметной тени в декольте. Искусство. Эстетика.

– Ага, – бросаю я, не отрываясь от экрана, уже представляя, какой восторг вызовет эта серия у подписчиков.

– Нет.

Слышится вдруг чёткое.

Я отрываюсь от телефона.

– Что, прости?

– Ты не выложишь.

Внутри всё холодеет, но я пытаюсь сохранить лёгкость.

– А, ну... те, что мы снимали с тобой, я не выложу.

– И другие не выложишь. Я запрещаю, Амаль.

Вот сейчас уже не смешно. Что на него нашло? Мы сейчас о фотографиях со съёмки свадебного салона говорим или как?

– Алихан, я не понимаю...

Сердечко, учуяв неладное забилося чаще.

– Те фотографии не для твоих «подписчиков», Амаль, – он произносит это слово с лёгкой, но отчётливой язвительностью. – Салон пусть выкладывает их в своём портфолио для клиентов. Но ты – нет. Ты не будешь делиться этим... этим со всей своей лентой.

– Почему?

– Потому что ты там слишком... открытая.

– Что, прости? Ты можешь сказать прямо что тебя не устраивает?

Он резко притормаживает, съезжая на обочину пустынной дороги, и наконец поворачивается ко мне. Его лицо не выражает гнева. Оно выражает холодное, непрекращаемое решение. Это хуже.

– Хорошо, Амаль. Мне не нравится, как ты выставлена напоказ. Плечи обнажены. Спина. Декольте, которое оставляет слишком много... пространства для воображения. Это вульгарно. Недопустимо. Наши женщины так себя не ведут.

Удар пришёлся точно в цель. «Наши женщины». Я чувствую, как по щекам разливается жар.

– Но это... это коммерческая съёмка. Ты сам меня привёз сюда. И ты сам подписал договор, в котором подчеркнута моя неприкосновенность! Ты не вмешиваешься в мою работу, а я выполняю отведенную мне роль.

– Всё так! Только ты заблуждаешься, если считаешь, что эти съёмки не имеют ко мне отношения!

– Каталог смотрят невесты, их матери, подруги! – почти кричу я, тыча пальцем в экран, где замерло моё улыбающееся лицо. – Ты начинаешь нарушать наш договор, Алихан.

– Неужели? – он медленно откидывается на спинку сиденья, и его губы растягиваются в безрадостной улыбке. – Я даже не начал, Амаль.

За время нашего разговора я машинально отредактировала самый удачный кадр. Палец замер над кнопкой «опубликовать». Это был бы мой самый успешный пост. И мой самый тихий бунт.

– Ещё раз повторяю, Алихан. Я вышла за тебя, потому что ты обещал, что я и дальше продолжу свою работу.

– Амаль, остановись! – голос мужчины теряет холодность, в нём прорывается резкое, животное напряжение. – Если бы я знал какого характера будет съёмка, то не позволил бы.

– Что значит не позволил? Ты... да кто ты такой? – выпаливаю я в сердцах.

И видимо зря. Последняя фраза повисает в воздухе, звонкая и хрупкая, как стекло. Я вижу, как что-то щёлкает в глазах Алихана. Не гнев, а нечто более тёмное и окончательное.

Резким, почти озлобленным движением он дёргает ручник, разворачивается ко мне всем корпусом, и пространство салона внезапно сжимается.

– Я твой муж, – произносит он тихо, но так, что от каждого слова по коже бегут мурашки.

– Вот кто я. И моя жена не будет выставять себя на всеобщее обозрение. Точка.

– Ты муж, но *фиктивный*, Алихан. Фиктивный!

– Фиктивный, – повторяет он ядовито. – Значит, фиктивный?!

И каким-то озлобленным движением снимает с себя ремень безопасности.

– Хорошо. Но разве фиктивный муж стал бы делать... так?

Алихан приближается. Медленно, неотвратно, заполняя собой всё пространство. Его ладонь упирается в подголовник моего кресла, отсекая путь к отступлению. Я вжалась в сиденье, чувствую его горячее, прерывистое дыхание на себе. Оно щекочет мою кожу, смешивается с ароматом его парфюма, создавая новую, тревожную смесь.

Лицо Алихана в сантиметрах от моего. Достаточно, чтобы почувствовать исходящее от него тепло. Достаточно, чтобы увидеть бурю в его тёмных медовых зрачках.

Взгляд мужчины прикован к моим губам.

И потом...

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.